

МАЙЯ

«Представьте, что фантазии не возникают сами по себе. Им определено время и место. Их покупают, словно мыло или муку. В таком мире я живу», — Майя воображала, что пишет письмо. Она часто так делала и от души радовалась, что градоначальники не могут заглянуть в её мысли. Хотя уверенной в этом наверняка не была.

Завернув за угол серого здания, она убедилась, что никого нет поблизости, и опустила на бетон. Из объёмного кармана передника Майя достала красную листовку. Спина вжалась в шершавую холодную стену, а глаза впелись в текст. Она давно хотела заполучить именно этот буклет — рекламу «Путешествий в грёзы» для горожан высокого уровня доступа.

Даже не читая, Майя уже видела отличия: список «грёз» был значительно длиннее, чем обычно. «К чему тратить ресурсы и отвлекаться на жалкие фантазии друг друга, если можно купить полноценную “грёзу”! Они созданы командой профессионалов и обеспечивают полное...» Майя вздрогнула и обернулась. Над ней возвышалась фигура в красном.

Холод, никакого отношения к бетонной стене не имевший, пробежался от макушки до самых пяток. Она сидела, не решаясь посмотреть, кто стоит рядом. В голове прокручивались варианты наказания: выговор, штраф, лишение свободы. «В конце концов, это всего лишь идиотская листовка. Не применят же изгнание за забор из-за такой ерунды», — подумала Майя, наблюдая, как из её рук выдергивают красную бумагу.

Она машинально проследила за яркой листовкой и увидела, как её подносит к самому лицу мужчины в красной форме. По сердцу разлилась тёплая надежда. Жест был Майе знаком.

— Что мне с тобой делать? — устало спросил Семёныч, поправляя очки.

— Отпустить! — Майя счастливо улыбнулась от облегчения и поднялась с пола, отряхивая свой серый балахон.

— Ты ведь знаешь, что не положено тебе брать эти. Для твоего уровня доступа годятся только с серым прямоугольником. Хотя и они тебе пока не положены, — сварливо добавил он.

— И те и другие гадо... — Майя не договорила, вовремя сообразив, что ругать «грёзы» даже при добром Семёныче опрометчиво.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда дорастёшь и пройдёшь одну из них, — мужчина хмыкнул.

— Ни за что! — на лице Майи мигом отразился гнев. — Если и соглашусь на «путешествие», то только на «фантазию», — она сказала это с вызовом, но тут же пожалела о своей внезапной смелости. Семёныч заметно занервничал. — Я пойду, — поспешно сказала Майя.

— Вот это верно. И не приходи, пока не исполнится 17! Ещё мне из-за тебя штрафов не хватало! — он сунул ей в руку свёрнутый листок. Удивлённая Майя сжала гладкую бумагу в кулаке, ощущая радостное волнение.

Она поспешила убраться подальше от здания, на котором большими буквами было написано «Центр путешествий в грёзы». Отойдя на приличное расстояние, Майя торопливо оглянулась — Семёныч смотрел ей вслед. Его лицо было такого же красного цвета, что и форма. «Хорошо, что камеры в городе чёрно-белые, а то бы точно допросили бедолагу, — улыбаясь, подумала Майя. — Ну что за идиотство так краснеть?» Она принялась размышлять, установлены ли камеры в том углу, где она уселась читать листовку, и не положено ли ей наказание. Убедив себя, что камер не было, иначе бы Семёныч не рискнул с ней даже заговорить, она расслабилась.

День был тёплым и безветренным. Майя с удовольствием набрала в лёгкие побольше воздуха, который благодаря усиленной ионизации всегда пах по-особенному возле важных городских построек. Мысли в голове кружили привычной стаей,

наскакивая одна на другую. О свёрнутой бумаге, которая теперь пряталась в объёмном кармане передника, Майя старалась не думать — боялась разочароваться: вдруг она раньше времени обрадуется, а это окажется не заветная листовка. «И кто только придумал продавцам грёз красные балахоны? — рассуждала она, проходя мимо бетонных домов к главной площади Вавилона-3. — Вот медицинский жёлтый — чудо, а не цвет: меняется от освещения и всегда радует. А красный этот — жуткий... Идиотский красный».

«Идиотство» — одно из двух ругательных слов, что Майя знала. Вторым было «паршивый», но настолько плохой ситуации, где понадобилось бы его применить, ещё не случилось. Это слово Майя приберегла на крайний случай. Вслух, конечно, такого не произносила — так и выговор получить недолго.

Нет, она не жаловалась — родиться в закрытом Вавилоне-3 действительно было удачей. Майя знала, что мир находился на грани гибели, а здесь от смертоносных вирусов их защищает 25-метровый оградительный забор. В образовательном учреждении рассказывали, что только благодаря ему в город не могли проникнуть звери, птицы и насекомые — основные источники заразы. А фильтровые установки внутри города поддерживали чистоту воздуха, убирая примеси ядовитой пыльцы и опасных аллергенов.

На уроках истории рассказывали, что на десятом году существования города во внешнем мире начались военные действия, и к естественному распространению заразы добавилось биологическое оружие. Существовали ли другие «Вавилоны» и что стало с первыми двумя, Майя не знала. Что творилось вне забора — информации не было. Для поддержания порядка и безопасности в городе действовали строгие правила: специальный отряд полиции имел круглосуточный доступ в жилища вавилонцев и регулярно проверял воздух на наличие опасных бактерий и вирусов.

Вероятно, благодаря этому вспышек болезней давно не случилось. Но хоть осмотры помещений исправно работали на благо горожан, Майя люто ненавидела их и отсутствие дверей в квартире. Она горько посмеивалась, что для такого закрытого города, как Вавилон-3, у горожан слишком уж открытая жизнь. Полицейские, совершавшие осмотры помещений, не упускали возможностей наложить штраф или назначить выговор то за неподобающие разговоры, то за обсуждение «грёз», то за осуждение градоначальников — поводы находились легко. Чёрный цвет полицейской формы вселял ужас. Вавилонцы привыкли помалкивать, чтобы не нарваться на неприятности. «Хорошо, что мой Тарас не такой», — подумала Майя и улыбнулась, шёпотом повторяя: «Мой Тарас».

Тем временем уже показался небольшой холм, застеленный ярко-зелёным искусственным газоном. Вдалеке нарядно белел высокий забор, отгораживающий закрытую для её уровня зону. Майя дошла до центра города. Все растения в Вавилоне-3 были запрещены, кроме сельскохозяйственных теплиц, но к ним имели доступ только работники высшего уровня, и она даже не представляла, как могли выглядеть теплицы. На главной площади росло единственное дерево, которое оставили, видимо, как памятник. Оно было жалким. При взгляде на него казалось, что за оградительным забором не может быть ничего здорового.

Но Майя обожала это дерево. Единственное в городе, оно менялось из сезона в сезон, отчего казалось таинственным и прекрасным. Она настороженно огляделась, нет ли кого поблизости, и сиганула к дереву. В голову пришла идея — постучать по стволу трижды, «чтоб не сглазить». Что именно этот ритуал означал, Майя не знала, но о нём рассказывала баба Раиса, а уж ей можно было верить. Ствол был шероховатый, кора растрескавшаяся, словно в морщинах. На аккуратно подстриженной кроне набухали острые почки, из которых вот-вот должны были вырваться первые резные листочки. «Скорее бы вы освободились», — прошептала Майя.

Чем внимательнее она всматривалась, тем более прекрасным ей казалось дерево. Его запах — свежий, родной, вкусный — кружил голову. Внезапно Майя почувствовала,

что за ней наблюдают. Она резко оглянулась, но незнакомый голос окликнул её с другой стороны. По спине пробежали мурашки. К ней стремительно приближался мужчина в чёрной форме. «Идиотство», — тихо выругалась Майя.

— Что делаете? — полицейский подошёл вплотную, и Майя боялась поднять на него глаза. — Я спрашиваю, что...

— Мне показалось, насекомое, — она судорожно соображала, как бы поубедительнее соврать. — Я подбежала посмотреть, так как решила, что увидела насекомое.

Мужчина хмыкнул и достал из кармана планшет. «Дурной знак», — мелькнуло в голове у Майи.

— Имя и адрес.

Она робко назвала адрес отца и своё имя, разглядывая ботинки.

— Запишем показания, — по-деловому произнёс он, словно Майя совершила нечто ужасное. — Опишите насекомое.

В её голове мигом родился целый вихрь идей, каких можно напридумывать насекомых. Но, конечно, нужно было помалкивать.

— Прошу прощения, я ошиблась. Это был просто луч света, мне только померещилось.

Наверное, целую минуту незнакомец сверлил Майю взглядом, а потом сказал:

— Я запишу это. Но камера, вероятно, зафиксировала ваше нестандартное поведение, так что ожидайте возможный штраф или повестку для разбирательства.

После его слов «можете идти» Майя поспешила прочь, ругая себя за безрассудство. Но, отойдя на приличное расстояние от площади, всё же решила, что долгое прикосновение к живому дереву уж точно стоило какого-то там выговора и даже возможного штрафа. Остаток пути она думала про насекомых, деревья и бабу Раису. Фактически та не была ей бабушкой — только соседкой, но роднее человека у Майи не было. Баба Раиса долгое время работала в единственной в городе пекарне, но в силу возраста уже несколько лет как сидела дома.

Майя не знала, чем именно занималась баба Раиса целыми днями, но та всегда была энергичной, радостной и, казалось, превосходно проводила время. С ней можно было без опасений говорить о чём угодно, кроме той ерунды, что преподавали в школе. Стоило Майе лишь заикнуться про опасность насекомых, историю оградительного забора или пользу «грёз», как баба Раиса фыркала и ругалась.

Майя и сама не любила эти темы — что ей было до того, что раньше люди гибли от вирусов и страдали от дурманящих препаратов. Раиса тоже не знала, как было до забора. Её семья переехала сюда по направлению врача: отец страдал сильной формой аллергии на цветение деревьев, поэтому отсутствие растительности и фильтрованный воздух стали для него спасением. Он был грамотным специалистом по виртуальной реальности, поэтому их с женой и новорожденной дочерью приняли с радостью, хоть город на тот момент уже был закрыт. Об ином мире родители рассказать много не успели — они умерли, когда Раисе исполнилось пять лет. То небольшое, что запомнила — она пересказала Майе.

Увы, подтверждения удивительным вещам, о которых она говорила, не было. Приходилось принимать на веру и то, что раньше носили цветную одежду разных фасонов — кто какую пожелает, и что животных держали прямо в доме, и что, помимо учебников, были книги просто для развлечения. Но некоторые доказательства другого мира у Раисы всё же имелись. Если бы градоначальники об этом узнали — пришли бы с арестом.

Например, запись из дневника мамы, которую она тщательно прятала. Сам факт, что раньше можно было иметь бумагу и записывать на ней свои мысли, казался невероятным. Майя знала наизусть каждое слово, наскоро нацарапанное мелким подчерком на ветхой жёлтой странице, но вспомнила об этой записи и подумала, что обязательно попросит бабу Раису дать снова перечитать эту страницу.

Ещё в строгом секрете у неё хранились три картинки. Первая — чёрно-белая фотография. Майя угадывала очертания деревьев, кустов, травы и открытого костра, но вот маленький треугольный домик был непонятным. Баба Раиса не знала, для чего именно он нужен, но запомнила, как мама называла его «палатка». Остаться одному в лесу, защищённому только ненадёжной «палаткой», казалось диким, и картина вызывала у Майи смешанные чувства: ужас от опасности и недоумение от того, что фотография, казалось, источает умиротворение.

Вторая картинка была рисунком, откопированным на картоне. На ней красовался весёлый дед в красном колпаке. Баба Раиса не помнила, как его звали, но рассказывала, что он приносил подарки раз в год всем людям просто так. Поскольку Майе никаких подарков не приходило, она решила, что либо это было давно, либо дед просто не знал про их закрытый город.

Третья картинка Майе не нравилась, было даже жаль, что сохранилась именно эта. Страдающий, почти голый мужчина. На голове странные ветки, на бедрах повязано полотенце. Прямо за ноги и руки его прибили гвоздями к столбу. Баба Раиса рассказывала, что это не простой человек и что к нему раньше обращались за советами и подарками. Но Майя не понимала, как можно ждать даров от такой несчастной персоны.

Для себя она решила, что если уж ждать приятного, так от деда в красном колпаке — он хотя бы выглядел радостно. Майя была уверена: чем человек счастливее, тем больше может дать, поэтому мысленно просила: «Милый дед в колпаке, подари мне что угодно, я всему обрадуюсь, — и частенько прибавляла: — Пусть перестанет мучиться тот мужчина с ветками на голове. Надеюсь, он хотя бы умер».

2

Майя даже не обратила внимания, как ноги сами привели её к дому. Она посмотрела на часы: 18:00. Это означало, что до «отбоя» оставалось три часа. Большую часть своего выходного дня Майя провела на улице — монеты на проезд она никогда не тратила, а погода стояла такая тёплая, что гулять — одно удовольствие. Конечно, переночевать в рабочем общежитии было бы разумнее. Но день оказался таким насыщенным, что пока голова была занята мыслями, ноги действовали сами. «Наверное, — подумала Майя, — они получают указания напрямую от сердца». И заулыбалась, представляя, что скоро повидается с братом Сашкой, бабой Раисой и отцом и, конечно, с Тарасом, но о нём она старалась не думать — вдруг и в этот раз не увидятся, а она уже настроится на желанную встречу. Но сердце от волнения участило ритм, а на ум само по себе пришло радостное воспоминание об их знакомстве.

Ей было одиннадцать, а Тарас только поступил на службу и в тот день впервые самостоятельно совершал осмотр помещений. Он зашёл в комнату, как и положено, без предупреждения. Они с бабой Раисой как раз вынули из печи противень с печеньем и осматривали результат. Майя обычно подолгу лепила из теста фигурки, прежде чем закатать их в шарики, а в тот раз они оставили одну, самую удачную — в форме птички.

— Здравствуйте! — смущаясь, сказал Тарас, входя в кухню. Сердце Майи ушло в пятки. Печь печенье — непривычное занятие. Никто из её знакомых никогда не готовил, а тут ещё и фигурка в форме птицы. Можно было попасть под штрафы вроде «проявление излишеств», «смущающие действия», «подрыв монополии продавцов грёз».

— Вы на задании или в гости зашли? — баба Раиса как ни в чём не бывало улыбнулась.

— На задании, разумеется, — Тарас внимательно осматривал комнату, взгляд его упал на птичку, а рука инстинктивно потянулась к планшету на поясе. Майя, казалось, забыла, как дышать. С ужасом она смотрела то на фигурное печенье, то на незнакомца в чёрной форме.

— Не положено же! — Тарас, казалось, был растерян и озадачен. Он явно ещё не сталкивался с подобным нарушением порядка и не знал, стоит ли это штрафа.

Майя на какое-то мгновение даже зажмурилась, словно вот-вот должен был произойти взрыв. Но баба Раиса невозмутимо улыбалась:

— Так ты съешь, да и всё. Нет печенья — нет проблем.

Тарас уставился на неё, словно получил оскорбление. Майя наблюдала, как он машинально сжал кулаки. Его напряжённое лицо отражало смятение. Тарас медленно оглядел комнату, словно в поисках кого-то, и Майе казалось, что она слышала, как роятся в его голове мысли, ведь теперь произошедшее тянуло и на арест — баба Раиса предложила скрыть инцидент, что куда хуже треклятого печенья.

Напряжение росло. Воздух в комнате, казалось, должен был затрещать, как электричество. Майя, не мигая, следила за незнакомцем. В какой-то момент по лицу она поняла, что он принял, решение. Тарас подошёл и ухмыльнулся, наблюдая, как дрожит в её руках противень. Он взял печенье и с любопытством повертел птичку в руке, внимательно рассматривая, словно это сокровище. Все силы Майи уходили на то, чтобы не застонать от страха. Тарас внезапно улыбнулся, подмигнул и разом засунул печенье в рот.

— Вкусное, — жуя, заметил он. Майя выдохнула от облегчения и просияла счастливой улыбкой.

— Вот и отлично! — Баба Раиса выглядела очень довольной. — Приходи к нам ещё.

Щёки Майи покраснели от приятных воспоминаний, и в квартиру она залетела со счастливой улыбкой. Отец если и слышал, что она вошла — виду не подал. Сашка вздрогнул и быстро обернулся на звук. Лицо его было отрешённым и пустым. Улыбка Майи быстро исчезла.

— Привет! Я очень рада вас видеть! — осторожно сказала она.

Брат вяло кивнул в ответ, а отец медленно, словно нехотя, оторвался от пустой стены, на которую внимательно смотрел, и тихо произнёс:

— Я думал, осмотр помещений.

Майя видела, что его пустые глаза смотрят мимо неё. Он сделал попытку сфокусировать взгляд, но спустя мгновение вновь повернул голову и уставился в стену. Этому было только одно объяснение — он покупал сегодня «Путешествие в грёзы». Майя хотела разозлиться, раскричаться, подойти и встряхнуть его, но не смогла. Она слишком хорошо понимала его чувства, ведь тоже тосковала по маме и порой даже завидовала, что отец может общаться с ней в «грёзах». Чтобы отделаться от этих неприятных мыслей, Майя подошла к брату и присела на край стола, за которым тот читал учебник.

— Ты сегодня тут переночуешь или в интернат пойдёшь? — спросила она, стараясь заглянуть в лицо Саше.

— В интернат. У нас дома никто не остаётся, — он склонился ещё ниже над книгой, словно хотел спрятаться.

— Жаль.

Майе казалось, что в груди начало ворошиться нечто противное и склизкое — это чувство она хорошо знала, но люто ненавидела. Они молчали несколько долгих минут, а затем она с горечью заметила:

— Уже скоро отбой, тебе, видимо, пора...

— Дочитаю страницу и пойду. Ты меня отвлекаешь.

Майя старалась не расплакаться. Она смотрела на брата: долговязый, тощий, светлые волосы коротко острижены, серая рубашка висит на острых плечах. Перед ним на столе лежал хорошо знакомый ей учебник «История оградительного забора» — три года подряд и Майя заучивала отрывки из него, чтобы рассказывать наизусть перед классом и отвечать на тестовые вопросы. К горлу подкатывала тошнота. Ей хотелось выхватить книгу и отшвырнуть прочь, закричать, расплакаться.

Она оглядела комнату. Отметила грязное бельё и невытую посуду. Отец так и смотрел в пустую стену. Майя усмехнулась от неприятной мысли — только находясь здесь, рядом со своими родными людьми, она ощутила мощнейшее одиночество. В то мгновение она ненавидела и слёзы, что подступили к глазам, и дом, и отца, и брата, и весь мир. Из квартиры Майя вышла с чувством, что не сможет находиться в ней больше ни минуты. С сожалением поняла, что возвращаться в рабочее общежитие уже поздно, и решила отправиться к бабе Раисе, хоть время для визитов было уже позднее.

В крепких объятиях дорогого человека Майя наконец-то расслабилась впервые за долгое время. Баба Раиса, как обычно, первым делом усадила её за широкий кухонный стол и налила большой стакан горячего ароматного чая. Заварка была редкостью — стоила дорого, и редко кто из горожан позволял себе такую роскошь, и баба Раиса, возможно, единственная из всего города предпочитала тратить монеты на чай, а не на «грёзы».

— Как прошла неделя? — спросила Майя.

— Да как прошла, так и прошла. Как обычно прошла, — женщина была не в духе. Они не виделись всего неделю, но выглядела она старше: на лбу глубже залегли морщины, под глазами появились тени, губы были бледные, а седые волосы растрепались. Казалось, баба Раиса даже стала меньше ростом. — Сашку видела вашего, — после паузы грустно добавила она. — Совсем стал пустой. А у тебя что нового?

— Сегодня меня поймали у дерева.

— Ох, Майка, Майка... аккуратнее же надо! — всплеснула руками баба Раиса. — А что делала?

— Трогала, — Майя улыбнулась. — Ну, и стучала, чтобы не сглазить, — обе улыбнулись.

— Какая глупость! Это же я так просто рассказала. Сроду не работает это идиотское суеверие. Бабка моя так говорила — вот я и запомнила, а ты, глупая, повторяешь.

— Дерево такое приятное на ощупь. Шершавое, твёрдое, но словно живое внутри, — не обращая внимания на ворчание, продолжала Майя.

— Живое — это точно, — задумчиво повторила баба Раиса. — Давай я тебе ещё кое-что покажу. Приберегала на особый случай, но чего уж там.

Майя сидела, боясь пошевелиться, словно могла спугнуть момент. Баба Раиса взяла с полки книгу и протянула Майе. Та моментально скривилась, увидев «Историю оградительного забора».

— Да знаю я его!

— Открой.

Майя нехотя начала листать, и книга распахнулась сама — между страниц была маленькая смятая картинка ярко-жёлтого цвета, вся в пятнах. На ней безмятежно улыбалась нарисованная девочка в красивой шапочке красного цвета и яркой одежде. В одной руке она держала какую-то ёмкость, в другой — цветы. Надписи были стёрты. Можно было разобрать только «Красная Ша...» и «кон..т...».

— У-у-ух ты-ы-ы! — Майя жадно вглядывалась в орнамент из листьев и мельчайшие детали картинки. — Кто это?

Баба Раиса неторопливо глотнула чай и рассказала, что картинка служила раньше оберткой для сладости. Сама она, конечно, её не пробовала, картинка досталась от бабушки.

— Это просто упаковка? МУСОР? — возмущению Майи не было предела.

— Да.

— Не могу поверить! У нас, кроме учебников, ничего, а они в такую красоту еду заворачивали. Поэтому, наверное, и кончилась в мире бумага!

— Да ничего не кончилась! — баба Раиса мгновенно вспыхнула. — Видела же, грёзоторговцы столько листовок печатают, что хоть помои в них заворачивай. Не бумага у нас закончилась, а мозги!

Майя ощутила, как по спине пробежал холодок. «Если кто услышит — жди беды», — пронеслось в голове. Баба Раиса это поняла и поспешила сменить тему.

— Нарисована тут девочка, которую зовут Красная Шапочка. На самом деле её не было. Просто придумали, что она была, понимаешь?

— Ага. А зачем?

— Да для забавы. А жила эта девочка у леса...

— Как мы прямо! — ввернула Майя и тут же закусила губу под строгим взглядом собеседницы.

— А бабушка её жила в лесу. Как-то раз мама попросила Красную Шапочку отнести ей еды, и она пошла...

— Прямо в лес, что ли, пошла?! Одна пошла? Там же насекомые! Как мама могла...

Баба Раиса открыла было рот, но тут обе услышали звук приближающихся шагов. Майя поспешно захлопнула учебник. «Только бы Тарас, — думала она. — Волшебный дед в красном колпаке, пусть это будет Тарас!» Из тёмного коридора показалась высокая фигура в чёрном. Спустя мгновение Майя поняла, что её желание исполнилось. Видно было, что и парень выдохнул с облегчением: лицо его озарила улыбка, глаза сияли — без сомнений, Тарас тоже соскучился и рассчитывал, что хотя бы на этой неделе повидается с Майей.

Он утвердительно кивнул головой на её немой вопрос, и Майя поняла, что съёмка не велась, прослушки не было. Тут же она подлетела к нему, приподнялась на цыпочках и крепко обняла. Тарас с жаром ответил на объятия и украдкой поцеловал в макушку. Майя ощутила, что мир вокруг замер. Она с ним. В безопасности. Счастлива.

— А время? — тихо спросила Майя, не отрывая голову от его груди.

— Пара минут точно есть, — прошептал в ответ Тарас.

Они уселись за стол, баба Раиса налила всем свежий чай и даже поставила сахар. Но на такую роскошь никто не обратил внимания — слаще всего была долгожданная встреча.

— Как ты? — торопливо спросил Тарас.

— Да ничего нового — работа и работа всё время. А ты? — Майя не сводила глаз с его лица, словно было жизненно необходимо запомнить каждую деталь.

— Мне снова подарили «грёзу». Я же ещё ни разу не был — вот на службе и беспокоятся. Даже вызывали к начальству. Всё спрашивали, почему отказываюсь. Намекнули, что ДОЛЖЕН пойти. А на следующий день подарили при всех абонемент на «грёзы», вроде как за исправную службу, — Майя ахнула, а баба Раиса насторожилась.

— Выбрал уже, на какую пойдёшь? — спросила она.

— Нет ещё. Но в участке на меня косо смотрят — никому ещё не дарили СТОЛЬКО просто так, вот они все и завидуют.

— Не отвертеться, — Майя внезапно расстроилась — её охватили дурные предчувствия.

— И я так подумал. Уже ходил к грёзоторговцам, буклет за неделю наизусть выучил. Даже знать не хочу, что ещё они могут предпринять, придётся просто уже сходить и всё. Дался вот им я. Подумаешь, 30 лет и ещё «грёзы» не покупал. Будто проблем других нет. Вон, Арсений воняет, как куча помоев — лучше б они этим озадачились. — Майя звонко рассмеялась.

— А я хочу «фантазию»! Тебе на «фантазию» можно?

— Нет, только на «грёзы». Тебе, кстати, скоро 17 — значит, тоже будет подарок от города.

— Да, но меня интересует только «фантазия», а их не дарят. Так что...

— Ничего! — Тарас выудил из нагрудного кармана чёрной форменной рубахи аккуратно перевязанную стопку монет. — Держи подарок! А то вдруг больше до дня

рождения не увидимся. — Он одной рукой взял ладонь Майи, другой вложил туда стопку монет. Какое-то время они сидели так, не отрываясь глядя друг другу в глаза. По щекам Майи сами собой покатались маленькие слезинки. — Пусть у тебя будет счастливая жизнь! — нежно произнёс Тарас.

Баба Раиса поставила стакан. Нарочно громко, чтобы обозначить своё присутствие. Они быстро отёрнули руки. Майя сунула монеты в карман передника, а Тарас встал, наскоро обошёл комнату, заглянул в спальню и ванную с туалетом, как того требовал протокол осмотра помещений, и вышел. Проходя мимо Майи, он незаметно тронул её руку.

— Спасибо за чай, — донёсся из коридора негромкий голос Тараса.

Майя замерла в надежде расслышать и удаляющиеся шаги, но было тихо. С его уходом стало мрачно и прохладно. Мелькнула непрошенная мысль: «Интересно, сколько ему предстоит сегодня осмотров помещений? Дружит ли он ещё с кем-нибудь?» Ей хотелось думать, что нет. Но и мысль, что Тарас вёл себя с другими вавилонцами жестоко, был страшным, как другие полицейские, вызвала у неё неприятные ощущения. Воображение вмиг нарисовало, как он врывается к другим горожанам. Как обшаривает каждый угол или даже наказывает правонарушителей. Стало не по себе. Майя представила сотни таких же коридоров, как у них, входы без дверей, одинаковые комнаты с серыми стенами...

— Пора тебе домой, — без обиняков заметила баба Раиса, прервав её невесёлые размышления, — уже совсем темень. Зашёл бы не Тарас — оштрафовал бы обеих.

— А я хотела отрывок из дневника прочитать...

— Вот приходи в следующий раз пораньше и почтёшь. С собой не дам. Найдут — всем достанется.

Баба Раиса боялась не за себя, и в этой заботе было столько тепла, что Майя не удержалась и поцеловала её в морщинистую щёку. Вдохнув напоследок запах комнаты — уютный и родной, она поспешила домой, прокручивая в голове оправдание на случай, если кого-нибудь встретит.

В тот вечер удача была на её стороне и никто из вавилонцев не повстречался. Майя долетела до своего дома и бегом поднялась на четвёртый этаж. Общий коридор окутал её мраком. Стояла тишина — в выходной большинство горожан ходили на «грёзы», а после этого, как правило, старались молчать, чтобы удержать в памяти приятные впечатления. Чтобы не потревожить эту вязкую тишину, Майя сняла тяжёлые ботинки, боясь, что звук шагов включит датчики движения, от которых сработало бы освещение. Практически на ощупь она отсчитала четыре входа слева и вошла в пятый.

Квартира казалась пустой. Отец, вероятно, спал на кухне, на кушетке, а Сашка наверняка уже был в интернате. Слабый свет из окна падал на диван, где аккуратно лежали подушка и коричневое покрывало. По сердцу разлилось тепло — то, что отец подумал о ней и подготовил спальное место, несмотря на своё душевное состояние, растрогало Майю. На глаза навернулись слёзы благодарности. «Какой чудесный день», — подумала она.

Майя сняла передник и вынула из кармана свёрнутый листок, что тайком подсунул ей Семёныч. Чтобы прочесть, пришлось подойти к окну, освещённому тусклым светом фонаря. Первое, что бросилось в глаза, когда она развернула листовку — серый прямоугольник. Поругав себя за разочарование, Майя принялась перечитывать уже знакомый текст о пользе «Путешествий в грёзы» и безопасности системы виртуальной реальности. Тем «путешествий» было всего шесть, но и этот список радовал. Каждая — словно лакомство, которое Майя смаковала, воображая, что может ожидать в этой «грёзе».

Романтика
Водопад

Море
Космос
Царский пир
Замок

Отдельно, крупным шрифтом была вынесена «Улучшенная реальность». Она, по мнению Майи, была глупым предложением, но именно эту «грёзу» покупали чаще всего и даже оформляли семейные посещения. Смысла никакого — тот же быт, просто всё шикарнее: сам красивее, одет наряднее, еда вкуснее, декорации роскошнее. Самый дешёвый и бесполезный вариант.

Ниже, мелким шрифтом, было приписано «Фантазия» — совершенно другое дело. Она стоила существенно дороже всего, и никто на памяти Майи ни разу её не покупал. Это единственное «путешествие», которое не шло по запланированному разработчиками сценарию. В случае нештатных ситуаций внутри «фантазии» никто не мог помочь. О чём это и что во время неё происходит — информации не было. Как Майя поняла, в «фантазии» человек полностью погружался в содержимое своей головы и оставался один на один с собой и своим внутренним миром. Платить за это огромные деньги у вавилонцев желания не возникало, и это предложение шло мелкой припиской, на которую никто и не смотрел. Именно на неё Майя год за годом исправно откладывала монеты. «Фантазия» влекла её больше всего.

Перечитав на несколько раз перечень «грёз», она тщательно свернула листовку и убрала в карман передника. Конечно, было немного жаль, что Семёныч не дал ей ту рекламу, что предназначалась для жителей уровнем выше, но и получить в своё владение эту, не положенную ещё по возрасту — удача. Что с того, что она уже изловчилась несколько раз прочесть её раньше. Зато теперь у неё есть собственная.

Майя стянула через голову серое рабочее платье — балахон и осталась в бежевой нижней рубашке. Воздух был прохладный, и она с удовольствием забралась под коричневое покрывало. «Как здорово засыпать счастливой. Любовь греет куда лучше одеял», — подумала Майя и провалилась в сон с улыбкой на лице.

3

Будильник пропищал в пять утра. Наскоро она умылась и оделась, но пришлось потратить много времени на поиск тёплой одежды в старом шкафу — за окном явно было холодно, а мёрзнуть Майя не любила. Отыскав толстую вязаную кофту, что носила мама, она со всех ног побежала в рабочее общежитие. По дороге встретились только трое — все примерно её возраста и тоже спешили со всех ног — видимо, как и она, навещали родных в выходной. Большинство горожан предпочитали находиться ближе к рабочему месту или пользовались услугами транспорта.

Утро было свежим. Майя любовалась нежно-розовым небом, которое окрашивало привычные здания в фантастические цвета. Пахло сыростью. Всю ночь шёл дождь, и на мокром асфальте красиво отражались облака. Как замороженная она смотрела под ноги, воображая, что идёт по небу, и это так увлекло её, что к концу пути кружилась голова.

В общежитии Майя с облегчением стянула мамину кофту, которая кололась даже сквозь грубое сукно платья, отыскала новый рабочий передник с большими карманами, переложила в него пару монет и часы. Затем тщательно спрятала подарок Тараса и листовку — засунула в носки и положила в самый дальний угол бельевого ящика.

На рабочем месте она была, как всегда, вовремя. Выполняя привычные обязанности, Майя улыбалась. В голове сами собой возникали слова, которые: «Небо этим утром поменялось с землёй местами, и мне посчастливилось гулять по розовым облакам. Если мир предоставил такую возможность, значит, он всех любит. А особенно меня».

Уже больше года Майя работала на фабрике тканей в цеху окрашивания. Это было начальным звеном, и в бригаде трудились её ровесники. Она следила за чанами с красителями. В положенное время брала пробы и относила их на проверку — правильная ли сохраняется пропорция пигментов. Также в её обязанности входило следить, чтобы ткань окунулась целиком и покраска шла равномерно. Работа не из весёлых, но её мама была учителем, и рассказывать неинтересное одно и то же годами казалось Майе куда отвратительнее, поэтому свою работу с красками она считала даже удачей.

Сегодня им заказали партию жёлтой ткани на форму медицинским работникам. День был пасмурный, и Майя радовалась полотну своего любимого цвета, которое растянулось солнечными дорожками на весь цех. Она воображала, что это её личное солнце, и так беззастенчиво улыбалась, что к обеду стала ощущать на себе косые взгляды коллег.

«Глупую девочку шестнадцати лет радовала её работа. Жаль, никто не заметил солнца в полотнах ткани — оно было изумительным», — родилось предложение в голове Майи, и она немедленно покраснела — было стыдно говорить о себе со стороны. Игра ей понравилась. «Девушка не была красавицей, но нужно отметить, тело её было крепким и сильным, губы и брови изящными, а волосы она сохранила в тайне длинными, хоть это было непросто». Майя порадовалась, что мысли читать нельзя, и решила, что такое хвастовство мама бы точно не одобрила.

Звонок на перерыв желудок встретил громким урчанием — за весь прошлый день она ничего не ела и теперь почувствовала зверский голод. Обед состоял из привычного, совершенно неаппетитного набора, но Майя набросилась на еду, как дикая. Спустя пару минут она поняла, что лучше притормозить, и огляделась по сторонам. Многие ели питательную массу с помощью трубки, не открывая контейнер, но Майя любила рассматривать обед.

Буро-красную жижу — протёртый суп — она съела первой. Теперь своей очереди дожидалась бледная овсянка. Майя задумчиво водила ложкой с остатками бурого супа по каше, вспоминая розовые утренние облака и воображая, будто их можно нарисовать. Несколько секунд она вглядывалась в еду, словно в картину, а потом, услышав приближающиеся шаги, быстро всё перемешала. За столик под села Тая — соседка по комнате.

— Как выходной? — вместо приветствия спросила Майя.

— Да никак. Сидела в комнате и немного прогулялась по территории. А ты где была?

— Домой ходила, к папе и Сашке. А, ещё в «Центре путешествий в грёзы».

— Ух ты! — Тая даже поперхнулась супом. — А что делала? Ты же не...

— Нет конечно, просто решила рядом пройти, посмотреть.

— А-а-а... — разочарованно протянула она. — Скорее бы 17! — и шёпотом добавила: — Я уже выбрала, куда пойду, жаль, полгода ждать. А ты везучая, уже совсем скоро...

— Что выбрала?

— «Романтику», — Тая произнесла это так тихо, что Майя скорее не услышала, а распознала по губам. — Мне Маринка по секрету рассказала, что сходила на неё сразу, как ей стукнуло 17, и уже год только её и покупает.

— Какая Маринка?

— Да с ткацкого цеха. Та, которой недавно значок вручали.

— А-а-а-а, — протянула Майя, — да, знаю такую.

Она едва не фыркнула, вспомнив потерянную отрешённую девицу с вечными глазами навывкате. Ну конечно, что бы ещё она выбрала, кроме идиотской «романтики» — одной из самых дешёвых и популярных «грёз».

— А как думаешь, — едва различимым шёпотом спросила Тая, — романтика бывает на самом деле?

— Бывает, конечно, — Майя поняла, что сказала это слишком громко. Тая испугалась и уставилась в тарелку. Обед продолжили молча.

Про себя Майя подсмеивалась над соседкой, у которой на уме, похоже, ничего кроме брачного союза не было. Сама Майя, конечно, предпочла бы увидеть море, замок, космос, а ещё лучше другие города, да и что угодно, кроме идиотской «романтики», тем более что она возможна в жизни.

Впервые это слово Майя услышала от мамы, когда та рассказывала про встречу с отцом — им повезло влюбиться в друг друга. Как правило, в брачный союз вступали по назначению или рекомендациям, а у родителей была романтика, чем Майя очень гордилась. Мама рассказывала милые истории, например, как отец подстраивал встречи с ней или украдкой брал за руку на общих собраниях — они оба работали в образовательном учреждении. Родители всегда светились радостью, когда вспоминали это, и Майя любила и истории, и маму с папой, особенно такими счастливыми.

В какой именно момент всё испортилось, она не знала. Мама рассказывала, как тяжело они решались на ребёнка. Это действительно сложный шаг для жителей Вавилона-3. Сперва будущим родителям предстоял ряд врачебных осмотров и анализов. Затем, после искусственного оплодотворения, женщину ждало строгое наблюдение докторов, диета и список утомительных ежедневных медицинских процедур. Сам же процесс деторождения — сложная операция. Мама рассказывала и про наркоз и аллергическую реакцию на него, и про то, как лежала в реанимации и думала, что умрет. Майя не представляла, как родители отважилась на второго ребёнка, зная, что маму вновь ожидают такие ужасы.

В школе рассказывали, что когда-то люди жили рядом с животными и перенимали их повадки — оплодотворяли женщин просто так, без медицинских обследований и подготовки. Это приводило к неизлечимым болезням и распространению эпидемий по всему миру. В подтверждение классу показывали отвратительные картинки, после которых все понимали: худшее, что можно придумать — заниматься сексом.

Вавилонцы с детства знали, что куда лучше заработать монеты и испытать любые чувства в выбранной «грёзе» — без рисков, разочарований или боли. В старших классах рассказали, что лучше всего покупать «грёзу» вдвоем с супругом. Тогда в безопасности, без нежелательных последствий и медицинских вмешательств можно было наслаждаться, чем захочется. Это казалось разумным и привлекало большинство одноклассников. Но не Майю.

Она помнила светящиеся глаза родителей в далеком детстве, когда у них ещё не было возможности покупать «грёзы», и неприятные перемены, когда монеты на «путешествия» стали появляться. Её родители всегда посещали «грёзы» вдвоём, но отдалились друг от друга несмотря на это. Майя наблюдала, как настоящее для них медленно меркло по сравнению с выдуманной кем-то виртуальной реальностью.

Мама этого не выдержала. Наслаждение, во много раз усиленное в «грёзах», в реальности стало угасать. Видимо, было сложно осознавать, насколько настоящее проигрывает виртуальной реальности. Майя не винила маму за решение покончить с этим. Из жизни она ушла буднично, нелепо: отвела уроки, в обед поднялась на крышу образовательного учреждения и прыгнула. Раз — и всё. Раз — и кончено.

Дни тянулись, словно нескончаемые полотна ткани, по большей части серого цвета. Майя часами наблюдала, как причудливо извивались дорожки свежескрашенной ткани, и воображала, что вокруг — не их цех, а настоящие газоны, живые высокие деревья, и она, словно девочка в красной шапке, с беззаботной улыбкой шагает навстречу новому.

Как ни надоедал ей стрёкот станков, как ни уставала Майя за день, а в рабочем общежитии было не лучше. Никто из знакомых никогда ничего и не видел, кроме учебных материалов. Истории от родителей тоже мало кто слышал, ведь большинство ровесников Майи выросло в интернатах — чтобы не мешать рабочему процессу. Жизнь

молодых вавилонцев в ожидании совершеннолетия вертелась вокруг размышлений о монетах и «Путешествиях в грёзы».

В пятницу Майя провела после рабочей смены около часа, просто рассматривая облака, стоя на улице. Заходящее солнце красиво окрашивало небеса и бетонные дома Вавилона-3, и Майя в восторге смотрела во все глаза, боясь пропустить детали. Как ей хотелось поделиться этими переживаниями. Она воображала, что можно было бы остановить мгновение: сфотографировать, зарисовать, описать красивыми словами, чтобы все-все восхитились. Но знала, что никто её не поймёт. Наверное, даже Тарас. За всё время, что она простояла как вкопанная, ни один прохожий даже не подумал посмотреть на небо — все смотрели лишь себе под ноги, а когда вдобавок стали косо поглядывать и на неё, Майе пришлось уйти в общежитие.

В комнате её ждал сюрприз. Соседка Тая пригласила Маринку — без сомнений, чтобы разведать у неё подробности «романтики». Принимать гостей было нестандартной ситуацией, а о «путешествиях» говорить и вовсе запрещали, но Тая в своей одержимости отважилась на риск, и Майя была этому очень рада. Девочки осторожно поздоровались с ней, убедились, что они не опасны друг для друга, и продолжили перешёптываться, а Майя делала вид, что уснула от усталости, жадно вслушиваясь в их шёпот. Ничего нового она не узнала. Маринка просила дополнительные смены, чтобы только заработать монет на свои «грёзы», которые сводились всего-навсего к свиданиям с ненастоящим парнем.

Майя представила, как уже через пару лет та станет лучшим работником, и все будут её хвалить, не зная, что единственное её желание — великая виртуальная любовь, созданная специально для неё командой профессионалов. Отвратительнее было только восторженное, полное зависти лицо Таи. Едва сдерживаясь, чтобы не фыркнуть, Майя мысленно ругала Марину за то, что та не выбрала «грёзы» поинтереснее. Баба Раиса утверждала, что раньше люди сочиняли истории и небывлицы для забавы, а потом рассказывали их друг другу и даже записывали, передавая по всему миру. Вот было время!

Не в силах и дальше слушать подробности «романтики», Майя принялась придумывать свою историю. Героиней стала девочка в красной шапочке, которую показала ей в воскресенье баба Раиса. Сюжеты в голове рождались разные. То девочка доходила до бабушки, и та открывала ей страшную тайну — но какую именно, придумать так и не получилось. То она находила в лесу огромный сказочный город и оставалась в нём, никогда не возвращаясь назад. А в самой кровавой версии девочка подвергалась в лесу атакам насекомых, птиц и зверей, но её спасал доблестный полицейский, очень напоминавший Тараса.

4

Суббота была последним рабочим днём, и Майя уже с ног валилась в ожидании выходного. В любой другой день её особо не раздражали монотонный гул, унылый вид коллег или резкие запахи красителей и машинного масла, но в субботу Майя замечала только эти неприятные вещи. В голове была пустота — она просто ждала отдыха и воскресной тишины. Когда её внезапно вызвал к себе начальник, Майя была уверена, что получит выговор, хотя бы даже за злой вид или рассеянность.

Выяснилось, что Константин Олегович решил поручить ей задание, да такое, что она едва удержалась, чтобы не пуститься скакать от радости. Ей нужно было доставить увесистый сверток свежескрашенной ткани в пекарню. Майя проникательно подумала, что Константин Олегович просто сжалился над ней и нашёл предлог отпустить с работы пораньше, видя её унылое состояние. «Вот это подарок, дед в красном колпаке! Сюрприз так сюрприз», — счастливо подумала она.

Путь, на радость, предстоял неблизкий. Майя наслаждалась чудесной погодой, свежестью воздуха после дождя и небывалой тишиной. Ей казалось, что она обманула

всех — гуляет на солнышке, пока остальные дорабатывают последнюю смену. В кармане лежал пропуск, а мысль, что возвращаться сегодня в цех не придётся, невольно вызвала улыбку. Денег на проезд Лобанов не дал, значит, Майя сама могла выбрать: идти пешком или ехать на транспорте. Торопиться ей было точно некуда.

Пекарня находилась близко к Оградительному забору, и Майя нарочно пошла вдоль него. Она воображала, будто можно было рассмотреть, как выглядывают поверх бетона макушки самых высоких деревьев. Шла медленно, вслушиваясь в каждый шорох и усиленно втягивая носом воздух в надежде уловить новые запахи или звуки. Внезапно замерла, услышав отдалённый птичий крик. «Ну и удача», — подумала Майя и зашагала бодрее.

Оградительный забор горожане старались обходить стороной. Ходили слухи, что несколько раз люди, находясь рядом с ним, подвергались атакам птиц, которые изловчились перелетать защитные барьеры и ультразвуковые волны. Майя этому не верила. Она мало что понимала в птицах, но была уверена, что для них существовали тысячи мест поинтереснее, чем унылый серый Вавилон-3 с единственным живым деревом посреди площади.

Однажды ей удалось увидеть, как открыли ворота. Ребёнком она присутствовала на исполнении высшей в Вавилоне-3 мере наказания: публичного изгнания на 20 минут за территорию Оградительного забора. Майя хорошо запомнила оранжевую, словно огненную, листву деревьев, острый запах сырой земли и сухую жёлтого цвета траву. Чёрная земля была покрыта огромными лужами мутной воды, а в небе, сбившись в стаю, кружили птицы.

Горожане опасливо перешёптывались. Преступник, так жестоко наказанный, решил отойти дальше, чем на положенные 6 метров, и оставался стоять рядом с воткнутым в землю чёрно-белым столбом. Его босые ноги утопали в грязи, а всё тело колотила дрожь. То и дело мужчина оглядывался на ворота, и Майя видела его блестящее от слёз лицо. Ей хорошо запомнились дикие крики толпы, когда стая птиц внезапно опустилась неподалёку от вавилонца и тот рухнул в грязь, потеряв сознание.

Полицейские в противогазах цинично выждали положенное время, и лишь затем занесли его обратно на территорию города. После наказания мужчина провёл несколько месяцев в госпитале, где врачи нейтрализовали последствия контакта с ядовитой почвой и укусов насекомых. На двух других публичных наказаниях Майя не присутствовала. Серьёзные преступления против градоначальников случались крайне редко, ведь все понимали, что безрассудно идти против системы, которая помогает выжить. Но послушание вавилонцев, по мнению Майи, вызвано было скорее не страхом, а апатией, которая неминуемо появлялась после регулярных посещений «грёз».

По обыкновению задумавшись, она даже не заметила, как дошла до пекарни. Это трёхэтажное здание стояло поодаль от других домов и внешне от них не отличалось, но казалось уютнее и роднее из-за запаха хлеба, который витал вокруг, несмотря на усиленную фильтрацию воздуха. На первом этаже располагался небольшой магазин, один из нескольких в городе. Спрос был небольшой — муку, дрожжи и сахар горожане покупали редко, предпочитая из экономии монеты и времени пакеты готовой еды. Желудок Майи предательски заурчал, как только она переступила порог и окунулась в тепло пекарни. Казалось, хлебом пахли даже стены.

Часть первого этажа и весь второй занимал цех, на третьем жили директор с семьёй и некоторые старшие сотрудники. Неудивительно, что работать здесь считалось большой удачей. За прилавком стояла приветливая девушка в стандартном сером балахоне, но привычный передник, нарукавники и косынка были редкого белого цвета. Майя невольно позавидовала её нарядной одежде и красоте, ощущая стыд за свой невзрачный вид. «А у меня всё серое... Глаза — и те серые», — с досадой подумала она и сообщила девушке, что принесла заказ. Та попросила ждать сотрудника, который примет его, и улыбнулась. Больше с ней заговорить Майя не решалась, хотя и ощутила жгучее желание сделать это — редко встретишь улыбчивого горожанина, да ещё и на

рабочем месте. Прокручивая в голове возможные темы для беседы, Майя не заметила, как к ней подошёл Глеб.

От удивления она открыла рот — единственного сына директора пекарни Майя не ожидала увидеть. Глебу было около 20 лет. Точнее Майя не знала, но слышала про него часто — в Вавилоне -3 было мало богатых людей, и семья Глеба, несомненно, была в числе «избранных». Все девушки круга Майи считали большой удачей вступить с ним в брачный союз, хоть и понимали, что в кандидаты для него предложены не будут. Конечно, бывали случаи подбора супругов по медицинским показаниям, а не по статусам или уровню доступа, но в виде редких исключений, на которые не стоило рассчитывать. «Хорошо, что меня это не волнует», — подумала Майя, но, к своему огорчению, ощутила, что щёки заливаает румянец. С досадой она смотрела на его идеально сшитый костюм из серого сукна, на необычный коричневый ремень и серебряный значок на груди. «Тарасу бы такой наряд», — мелькнула неожиданная мысль.

— Ты Майя, да?

— Да.

— Мы встречались и раньше. Наверное, ты помнишь. Например, я видел тебя на общем собрании в том месяце. Меня зовут Глеб.

— Я знаю.

Глеб довольно хмыкнул, а затем указал на сверток в руках Майи:

— Это мне?

Она кивнула. Глеб, словно нарочно медля, забрал ткань. От прикосновения его рук пробежали мурашки, а щёки Майи вмиг стали пунцовыми.

— Мне... — она запнулась, испугавшись своего хриплого голоса, и прокашлялась, — мне нужно где-то расписаться? — Глеб отрицательно покачал головой и улыбнулся. — Я могу идти?

— погоди. Давай я... — он явно медлил, обдумывая ответ, — проверю качество ткани и окраски. Пойдём в кабинет, это займёт время.

Майя, хоть и чувствовала себя неловко, обрадовалась этой задержке — возвращаться на работу не хотелось. К тому же в пекарне дальше общего холла она не была, и её грызло любопытство.

Они поднялись на второй этаж и вошли в ближайшую к лестнице комнату, которая оказалась просторнее и светлее, чем можно было предположить. Посреди комнаты стоял длинный стол, который упирался в другой, образуя букву «Т». Стулья задвинуты. Во главе центрального стола массивное высокое кресло. На белоснежной стене за ним, в красивой позолоченной раме, висел портрет мэра — чуть больше привычного, но фотография всё та же: квадратное красное лицо, редкие с проседью волосы, блестящие маленькие глазки. Портрет был слишком знаком, всматриваться в него у Майи не было ни малейшего желания — он украшал практически все помещения в городе, но ей внушал не трепет или страх, а лишь отвращение.

Куда интереснее было окно: больше обычного, оно выходило на улицу, открывая новый ракурс на привычный городской пейзаж. Его обрамляли загадочные занавески — не стандартные рулонные жалюзи от света, а прозрачные, ажурные, невесомые. Майя сразу вспомнила картинки паутин из учебной программы, и она переминалась с ноги на ногу, сгорая от желания рассмотреть их поближе. Глеб проследил за её взглядом и понимающе улыбнулся.

— Нравится? Фамильная тюль ручной работы.

— А это разрешено? — брякнула Майя, прежде чем успела подумать.

— Конечно, они зафиксированы градоначальниками.

— Невероятно, — протянула Майя, но тут же прикусила губу, приказывая себе помалкивать.

— Знаешь, — Глеб подошёл к ней ближе, — мне рассказывала о тебе Раиса.

— Вы знакомы? — Майя удивилась. Его близость была неприятна, а пристальный взгляд пугал. Ей казалось, что в его глазах горит не только заинтересованность, но и какая-то злость, возможно даже азарт, отчего становилось не по себе.

— Да, она работала у отца, а теперь покупает у нас муку. Мало кто приходит за сырьём, мы знаем всех. Она занятая. Говорит, кстати, что ты умеешь печь и могла бы работать у нас.

— У меня нет такой подготовки.

— Я мог бы что-нибудь придумать, — Глеб подмигнул. — А ты сама — тебе нравится печь?

— Да.

— А красить ткань?

Майя кивнула, но задумалась. Конечно, нет — нудная, глупая работа. Единственное, что радовало — цвет, особенно если не серый. Ей нравилось даже то, как пигменты проникали в кожу рук, делая привычное иным, а когда краска бежала, стремясь поскорее заполнить собой всё полотно, — это походило на чудо. Она вдруг вспомнила свой любимый жёлтый цвет и невольно улыбнулась.

Глеб смотрел, не отрываясь, и Майя смутилась, словно он мог прочесть мысли, которые казались ей глупыми как никогда.

— Ты очень красивая, — внезапно сказал он. — Тебе бы хотелось чего-то... нового? Готов поспорить, ты иногда думаешь о... запретном?

Ситуация становилась всё абсурднее, и Майя боролась с желанием немедленно убежать. В горле ощущался неприятный ком. Ей казалось, что она в ловушке. Осознание, что всё в этой комнате, включая её саму, во власти Глеба, душило.

— Я видел тебя у дерева в тот раз, — внезапно сказал он. — Оказывается, ты сама себе на уме.

Сердце Майи словно пропустило пару ударов.

— Но как...

— Я случайно встретил тебя, но не подошёл. Признаюсь, я немного последил и увидел, как ты метнулась к дереву. Расскажешь, зачем?

— Не расскажу.

Глеб рассмеялся. Майя и сама опешила от своей решимости, ведь внутри всё леденело от ужаса.

— Ты зря мне не доверяешь. Ведь тебе даже выговора не сделали, не говоря о штрафе. Я всё устроил.

Мысль стремительно пронеслась в голове Майи, но как реагировать на эту новость она не знала. Молчание нарушил Глеб.

— Тебе скоро 17? — его тон стал деловым.

— Да.

— Не думала про брачный союз?

— Нет, — так поспешно ответила Майя, что Глеб снова рассмеялся. Её смущение, казалось, вызывало у него удовольствие. Это было неприятно. Он деловито повернулся к столу и наконец-то стал разворачивать ткань, без малейшего интереса.

— «Грёзу» выбрала? — как бы между прочим спросил Глеб, выдержав приличную паузу.

— Да, — Майя почувствовала облегчение. Хоть о «грёзах» говорить было нельзя, эта тема казалось ей куда лучше предыдущих. — То есть нет, — спохватилась она. Глеб повернулся к ней и вопросительно поднял бровь. — Хочу «фантазию».

— Ого. Это правда. А я думал, Раиса обманула. Ты прямо настоящее сокровище — такая смелая. — Глеб снова внимательно посмотрел на Майю, словно обдумывая, стоит ли продолжать разговор, а затем сказал: — Знаешь, я ведь так и не решился взять «фантазию».

Наступила очередная неловкая пауза, и Майя подумала: «Как только выйду отсюда — побегу к бабе Раисе, и пусть рассказывает, что и кому обо мне наплела».

— Я всегда беру «грёзы», — продолжил Глеб, — стараюсь ходить на разные, люблю пробовать первым новенькие, хотя многие уверены, что интереснее возвращаться в одну.

— Есть любимая? — Майя сообразила, что вопрос звучит неоднозначно и поспешила пояснить: — Ну, любимая «грёза»?

Глеб довольно расхохотался.

— Пока нет. Но одна меня точно заинтриговала.

Майя ощутила, как в этот раз залилась краской до самых корней волос и даже обрадовалась, когда услышала странный стук. «Что происходит?» — мелькнуло у неё в голове.

— Войдите, — громко сказал Глеб и в который раз снисходительно усмехнулся, видя её растерянность.

В комнату вошёл мужчина. Первое, что бросилось Майе в глаза — многочисленные значки на его груди и серебряные пуговицы на красивом сером костюме. Когда она поняла, что перед ней сам директор пекарни, желудок неприятно сжался.

— Здравствуй, отец! — прервал молчание Глеб.

Вошедший мужчина кивнул и поинтересовался, что происходит. Сын рассказал ему про ткань, Майю, упомянул Раису. Наконец тот вежливо улыбнулся и протянул руку для знакомства.

— Павел Александрович.

— Майя.

Они обменялись рукопожатием.

— Вы чем-то напуганы? — внезапно спросил он.

— Меня испугал стук, — призналась Майя. — Я не поняла, что это за шум. — Глеб с отцом непонимающе переглянулись. — Ну, никто ведь не предупреждает, — пояснила она, — полиция заходит просто так. Я не знала, что...

— Какая прелесть, — Павел Александрович снисходительно улыбнулся точь-в-точь как Глеб. — Дорогая, Вы прелесть. Простите, что напугал. Я уже отправил сообщение Константину Олеговичу, он ждёт Вас на рабочем месте в рабочее время. Спасибо.

— Спасибо, — промямлила в ответ Майя и, сообразив, что с ней только что попрощались, поспешила выйти.

Уже на улице она достала маленькие часы из кармана и с сожалением обнаружила, что успевает вернуться на рабочее место, пусть даже на час. Нехотя Майя побрела назад с планом идти так медленно, как только это возможно, но серые облака полностью захватили небо и начался противный колючий дождь. Быстро стало хмуро и неприятно, отчего невольно пришлось ускориться, чтобы согреться. На небе разворачивалось целое представление: ветер сгонял облака в причудливые формы, цвета туч менялись от грязно-синего до белого, но Майя не обращала внимания ни на это, ни на усилившийся дождь — она была поглощена своими мыслями.

«Ты очень красивая. Тебе бы хотелось чего-то... нового? Готов поспорить, ты иногда думаешь о... запретном?» — снова и снова звучало в голове. «Что он имел в виду? Чего от меня хотел?» — Майю мучали вопросы, а в ритме шагов звучало: «Красивая. Красивая».

С досадой она думала о том, что ничего красивого в ней нет. Зачем-то на память пришли все черты сверстниц, которые казались ей привлекательными. Чужой аккуратный нос, огромные глаза, длинные, закрученные ресницы, изящная осанка — собирательные образы красавиц кружились в голове Майи, словно насмехаясь над ней. Она напрягла память, но не вспомнила ни одного комплимента в свой адрес. Тарас называл её смешной, милой, находчивой, но красивой — ни разу.

«Наверняка Глеб просто посмеялся над тобой, а ты и уши развесила», — зло сказала Майя сама себе и, прошептав ругательство, перешла на бег. В фойе она

задержалась у зеркала. Косынка насквозь промокла, но Майя подавила желание снять её — вокруг были камеры, а свои длинные волосы она скрывала. Платье и передник от воды выглядели ещё более жалкими, чем обычно. Она взгляделась в отражение зеркала. Щёки и нос покраснели от холодного ветра и бега, губы, наоборот, побледнели. Глаза невзрачные, глупого серого цвета, да и весь вид — потерянный, несуразный. «Хороша красавица», — с досадой подумала Майя и с трудом подавила острое желание разрыдаться.

5

Первой мыслью после пробуждения было: «Спи дальше». Она чувствовала себя разбитой: ноги гудели, голова трещала. «Выходной у меня или нет? Буду лежать в постели до вечера», — твёрдо решила Майя, но вспомнила минувший день и тут же засобиралась к бабе Раисе. Тая ещё вчера ушла к родителям, поэтому подвернулась хорошая возможность пересчитать свои сбережения. Сперва она достала монеты, что подарил ей Тарас, и поцеловала стопку, представляя, что целует его тёплые руки. Затем добавила к ним остальное — суммы хватало на «фантазию» и даже оставалось. Радость, как горячий сладкий чай, разлилась по телу Майи. Она прижала монеты к груди и целую минуту сидела так, прежде чем тщательно спрятать свои сокровища.

Тут же ей захотелось и доехать до Раисы на транспорте, и купить еды, но она решительно отругала себя за такие мысли. Вчерашний дождь утих, но небо оставалось пасмурным, и всё казалось даже более серым, чем обычно. Домой Майя не зашла — напрямик побежала к бабе Раисе и всю дорогу обращалась к деду в красном колпаке с просьбой, чтобы та оказалась дома. Желание исполнилось.

— Да просто зашла, — устало оправдывалась баба Раиса под пристальным взглядом Майи. — Зашла, увидела Глеба. Я же работала с ними, нормальный парень. Он у меня спрашивает, как дела...

— Ну, а я-то при чём?.. — от нетерпения Майя ёрзала на стуле.

— Так вот, он у меня спрашивает: как дела? А я ему: мол, скучно, но в «грёзы» — ни за что! Не хватало ещё на старости лет...

— И?.. — перебила её ворчание Майя.

— Так вот, я рассказала, что ты заходишь ко мне поболтать. И с тобой уж точно повеселее будет, чем чьи-то бредовые «грёзы» смотреть.

Майя даже застонала. «Баба Раиса сошла с ума, — подумала она. — Это же надо было такое про меня ляпнуть!»

— А Глеб так заинтересовался, — продолжила та, не обращая внимания на душевные терзания Майи, — и давай расспрашивать. Ну, я и сказала, что тебе скоро 17, что ты хочешь «фантазию». Глеба это очень заинтересовало — сам-то он ходил по «грёзам» лет с 11, но на «фантазию», вроде, до сих пор не решился.

— И? — Майя даже пропустила мимо ушей факт, что Глеб умудрился каким-то образом попасть на «грёзы» в таком раннем возрасте.

— А что «и»? Всё на этом. Так что зря ты разгорячилась. Нормальный парень Глеб. Мозгами, может, и не блещет, зато интерес к жизни сохраняет, а в наши дни и это уже удача. Чего ты сердишься — не понимаю. Кстати, про семью их ты и сама всё знаешь.

Майе хотелось протестовать и ругаться, но она сделала усилие и замолчала, задумавшись: почему, в самом деле, так сердилась. «Да потому, что это неправда, — досадно мелькнуло в её голове. — Никакая я не интересная и уж точно не красивая. Глеб заинтересовался только потому, что напридумывал, чего нет». От этих мыслей стало совсем грустно, но внутренний голос не унимался: «Конечно, ему скучно: “грёзы” за столько лет надоели, решил и про реальность подумать». Майя нехотя отметила, что уважает Глеба за это, ведь многие после «грёз», наоборот, становились зависимыми и апатичными.

Мысли сами потекли в другом направлении, и она впервые подумала о нём как о мужчине, варианте для брачного союза. Конечно, это была бы большая удача, но Майя вспомнила его самодовольство, превосходство и явное удовольствие, с которым он наблюдал её испуг. Было ощущение, что ему нравилась не столько она, сколько власть над ней. Хотелось бы ей прожить с таким мужчиной всю жизнь? Нет.

Майя немедленно вспомнила Тараса, их шутки и тёплое общение. Он всегда был внимательным, заботливым и нежно к ней относился. Пожалуй, ему единственному можно было доверять. «Нет, никогда Глеб не сравнится с Тарасом», — подумала Майя. Желая отвлечься, она попросила у бабы Раисы перечитать отрывок из дневника, и когда потрёпанная ветхая бумага коснулась её рук, из головы мигом выветрилось всё, кроме письма. Майя с жадностью вчитывалась в знакомые строчки.

«Какой же воодушевленной идиоткой я была — противно и вспоминать!

Да, Коле тут, несомненно, лучше. Уже три года, как мы не вспоминаем про его приступы. Но для меня воздух не чистый, а пустой.

Я могу не думать ни о чём и заниматься, чем хочу. Вот только чем хочу — нельзя. Мне ли жаловаться? Мы тут три года, а Коля уже глава отдела грёз. На него смотрят словно на бога. И мне бы радоваться, да только это ужасно.

Мне ли жаловаться? Мы живем в закрытой части города, это почётно, а мне мало. Мне всё чудится, что это клетка. Я вижу растения каждый день, для этого и напросилась работать в теплицы, а Раю отдала в садик. В Вавилоне видеть растения — удача, многие не знают, как они выглядят — доступ к теплицам не у всех. Коля, конечно, не понимает этого и думает, что я глупая. А глупый он — погружён в свою идею и даже не видит, что творит зло. Да и растения в теплицах — разве живые? Такие же невзрачные и чахлые, как и все мы, вавилонцы.

Дневник мой — моё спасение и моя погибель. Не знаю, что будет, если его найдут. Коля мне точно этого не простит. Единственное, в чём он прав — в том, что грёзы людей меняют. Только вот он не понимает, что к худшему.

А сильнее всех они изменили его».

Письмо Майя держала в руках бережно, словно жёлтая засаленная бумага могла рассыпаться. Оно — настоящее сокровище. Подтверждение, что есть нечто помимо их города: лучшее и большее. Или было. Майя всегда читала письмо с завистью — мама Раисы видела мир, а сама она не была даже в закрытой части города. Аккуратно сложив листок в привычный маленький квадратик, Майя отдала его бабе Раисе, и та немедленно убрала письмо в тайник за шкафом. После чего поставила на стол две тарелки с горячей жидкой кашей на стол и села обедать.

— Знаешь, а Глеб и его семья ведь грамотные люди. Одни из немногих с мозгами и деньгами одновременно. И, кстати, он — выгодная партия для вступления в брак.

«Ну что она прицепилась с этим Глебом? — зло подумала Майя. — Поест спокойно не даст ведь», — а вслух ответила:

— Тарас — выгодная партия.

Баба Раиса изменилась в лице и отвела глаза. Майе тут же стало не по себе.

— Что такое?

— Он сдался. Тарас пошёл в «грёзы» на следующий же день после разговора с тобой.

Майя затаила дыхание и ждала, что будет дальше, но баба Раиса медлила.

— И?

— И ходил сегодня уже пятый раз.

Майя ощутила сильный приступ тошноты. Она испугалась, что всё съеденное вырвется из желудка на стол. Горло жгло, на глаза немедленно навернулись слёзы —

предательские, неудержимые, горькие. «Пятый! Пятый раз за неделю! Только не это. Только не он». В висках стучало. Стол, кухня, окно — всё закружилось перед глазами.

— А ты... ты не знаешь... в какую... — ещё прежде чем задать этот вопрос, Майя знала, что услышит в ответ.

— «Улучшенная реальность», — подтвердила опасения баба Раиса. Майя опустила голову на руки и разрыдалась.

Как оказалась в квартире, она не помнила. Там никого не было — Сашка, видимо, остался в интернате, отец работал. Не переодеваясь, она завалилась на диван и долго смотрела через окно на проплывающие рваные облака. Майе казалось, что летит она, а небо, наоборот, застыло в неподвижности. Голова кружилась. «Жила-была девочка. Она поверила в счастье. А зря». И сердце ритмичным стуком подтверждало: зря, зря, зря.

Сколько пролежала так, Майя не знала, но солнце уже скрылось, комната погрузилась в полумрак, а по окну довольно долго долбил дождь. Когда слёзы закончились, уступив место пустоте, в квартиру едва слышно вошёл Тарас. Она сразу узнала его по шагам, дыханию и другим едва уловимым мелочам. Сердце забило в груди как бешенное.

— Майя? — тихо позвал он, и стало понятно, что это происходит на самом деле, а не в мечтах или сне, как ей подумалось вначале. Она резко поднялась и села — голова закружилась.

— Тарас, ты где...

— У меня выходной. Я сказал, что зайду к твоему отцу, но что он на дополнительной смене, я не уточнил. Искал тебя у Раисы...

— Я была там...

— Да, она сказала. Боялся, что ты останешься в рабочем общежитии, — он присел на диван и быстро обнял её. В темноте Тарас не разглядел ни её воспалённых глаз, ни пятнистого от рыданий лица. Казалось, он и вовсе ничего не замечал — был слишком увлечён своими мыслями. — Представляешь, Майя, я...

— Ты пошёл на «грёзу». Я слышала.

— О чём я только думал?! — от этих слов в её голове мигом зажёгся огонёк надежды: «Конечно, он ходил пять раз просто для отвода глаз. Ему не понравилось, он сожалеет...» — О чём я только думал!? — восторженно повторил он — Почему не сделал этого раньше? Майя, я могу рассказать только тебе, ведь ты единственная, кто мне действительно дорог. Представляешь, в «грёзе» я встретил её!

«Замолчи!» — беззвучно просила Майя, но Тарас продолжал.

— Я не встречал таких женщин никогда, ни разу. Её тело, её взгляд, её губы, — Тарас сжал кулаки, его глаза блестели, взгляд устремился вдаль. Он замолчал, улыбаясь воспоминаниям, но потом перевёл взгляд на Майю и улыбнулся уже ей: — Вы с ней такие разные!

«Замолчи! Замолчи!» — беззвучно орала Майя.

— Я и не думал, что ТАКОЕ возможно! Что тело способно на всё это, что ощущения бывают такими сильными. Я не знал, что может быть ТАК хорошо.

«Замолчи! Замолчи же! ЗАМОЛЧИ!!!» — все силы уходили, чтобы сдержать слёзы и крик.

— Я бы так хотел, чтобы и ты познакомилась с Юлей! А наш дом. Представляешь, там есть даже дом! Я о таком всегда мечтал...

— Тарас, — Майя не узнала свой безжизненный голос, — никто не может с ней познакомиться, её ведь... нет. Она просто выдумка для...

— Перестань, Майя! — он строго прервал её, тон резко сменился. — Ты слишком мала, глупа. Вот попробуешь и поймёшь, о чём я! — Майя закусила губу. Ей хотелось наброситься на Тараса, ударить его, колотить кулаками, лишь бы он замолчал, прекратил, стал прежним. — Одно хорошо, — продолжал Тарас, — у меня накопилась куча бонусных «грёз» и монеты. Я могу возвращаться к Юле каждый день, и она меня

ждёт, представляешь! Ей интересно, как я провел день. Мы говорим, ужинаем и... В общем, Майка, это невероятно!

Он замолчал, и какое-то время они сидели, слушая дождь, лупивший в окно.

— Мне пора. Рад, что мы увиделись. Непременно попробуй «грёзу» сразу, а не откладывай, как я. Осталось недолго, скоро ты сама поймёшь, какое это счастье.

Тарас встал, приобнял Майю и исчез в дверном проёме. Она легла на мокрую от слёз подушку, и всё провалилось в темноту.

6

«Представьте, что душу можно ранить. Представьте, что она, голая и уязвимая, подпускает к себе только одного. А он улыбается, достает нож и любя, по-дружески, пронзает её насквозь. Представьте, что взорвалось солнце, что мира нет, вокруг лишь пустота. В ней я и живу», — строчки родились сами собой, и как Майя ни хотела бы прекратить их слушать, не получалось. Вновь и вновь они крутились по кругу, сводя её с ума.

Летело время или остановилось — понять было сложно. Майя потеряла ему счёт. За серыми буднями наступал одинокий выходной. И так снова и снова. Серое небо, серая форма, серая ткань, серый бетон... В голове по кругу прокручивался диалог с Тарасом и одни и те же строчки. В душе Майи разрасталась пустота.

После городского собрания стало ещё хуже. Сам мэр Вавилона-3 с трибуны представил всему городу Тараса, которого приветствовали словно героя. А тот, улыбаясь, счастливо заявил, как был глуп и слеп, что столько лет противился счастью, и как ему жаль, что он потерял столько времени, и как он рад, что у него есть возможность всё наверстать.

Красивый, высокий, сияющий радостью — он вдохновил многих. Те, кто уже активно пользовались «грёзами», согласно кивали и дружно кричали ура. Те, кто только дожидался путешествий в силу возраста, с завистью и восхищением смотрели на него. Наутро после собрания появились красные листовки. Вверху — привычный герб города: стилизованная буква «В» посреди круга, а ниже — портрет Тараса и заголовок «Шаг навстречу счастью».

Его пламенный рассказ, записанный в листовке, Майя прочесть так и не смогла, и несколько экземпляров с чувством разорвала на мелкие кусочки. Но одну листовку всё же оставила, и то и дело доставала её, когда никто не видел. Она всматривалась в счастливое лицо Тараса и представляла, что он улыбается только ей. После такого ажиотажа он стал известной в городе личностью. Частенько о нём болтали то в столовой, то в общежитии, и каждое упоминание, любой намёк словно отламывали кусочек от сердца Майи.

— Ты здорова? — Лобанов вызвал её к себе в субботу.

— Да, — Майя мысленно приготовилась к увольнению.

— Ничего не хочешь мне рассказать? — настойчиво спросил начальник.

— Мне нечего рассказать. — Это было правдой. Пустота внутри неё разрасталась, поглощая все чувства и мысли.

— Павел Александрович сказал, что ты увлекаешься кулинарией. Кажется, он мог бы взять тебя на работу. Ты хотела бы работать в пекарне?

— Вы хотите, чтобы я ушла? — безразлично спросила Майя.

— Да нет же! — Лобанов не рассердился, а лишь грустно улыбнулся и после паузы продолжил: — просто я вижу, что ты несчастна. Мне не хочется терять тебя, ты отличный работник. Но я не хочу, чтобы ты страдала. Тебе скоро 17, твои родители уже устраивают брачный союз для тебя?

— Мама мертва, отец не отошёл от её смерти. Ему не до того.

— А ты сама? Думала об этом? По-моему, все в твоём возрасте только этим и озадачены — моя дочь болтала без умолку о брачном союзе лет с 13, — он улыбнулся. — У тебя есть кто-то на примете?

— Нет, я никогда не думала об этом, — соврала Майя.

Лобанов не поверил, но расспрашивать дальше не стал.

— В общем, если ты решишь перейти работать в пекарню, я устрою это.

— Спасибо. Не нужно.

Лобанов вздохнул и передал ей небольшой свёрток.

— Соколовы ждут ткань. Отнесёшь?

— Да, — машинально ответила Майя.

— На этот раз белая, маркая, — предупредил он и после паузы добавил: — Будь там поаккуратнее.

Если бы раньше Майе предложили работу в пекарне, она решила бы, что лучшего и желать нельзя. Сейчас это казалось мелочью: какая разница, чем заниматься? Как смена работы поможет победить пустоту в груди? Майя ритмично шагала вдоль оградительного забора, до которого ей теперь не было никакого дела.

На этот раз в пекарне её ждал незнакомый мужчина, который забрал свёрток и проводил к кабинету без объяснений. Майя не сопротивлялась и воздержалась от уточнений — было абсолютно всё равно, чего и зачем ей предстоит ждать в мрачном небольшом кабинете. Оглядеться она не успела — раздался тихий стук в дверь, и прежде чем Майя сообразила, как должна на это отреагировать, в кабинет вошёл Глеб.

— Рад тебя видеть.

— Здравствуйте, Глеб Павлович, — с ледяной вежливостью поздоровалась она, — с тканью всё в порядке? Я могу идти?

— А ты торопишься? Хочешь чай? — Майя растерялась, но её согласия и не требовалось. — Лобанов сказал, что поддержит, если ты захочешь работать у нас. — Глеб так резко перешёл от чая к новой должности, что она лишь стояла и растерянно моргала. — Хорошая идея, на твой взгляд? Я был бы рад видеть тебя чаще, — на какое то время он замолчал, а затем добавил совсем тихо: — Ты мне очень интересна, Майя...

— Чем? — она удивилась, как резко прозвучал этот вопрос, но неловкости или страха больше не было — казалось, пустота в душе избавила и от этих чувств.

— «Фантазия», — просто ответил Глеб. — Никто из знакомых, тем более девушек, даже не думал о «фантазии». Хочешь, я тебе подарю её? Только, чур, ты мне всё потом расскажешь.

— Ведь нельзя рассказывать.

— Я знаю, — Глеб ухмыльнулся, — такой закон. Но ты, наверное, слышала, при каких условиях можно делиться впечатлениями о путешествиях в «грёзы»?

Майя промолчала, хотя прекрасно знала ответ. Это пугало её. Глеб пугал её.

— Супруги в брачном союзе могут делать, что захотят, — продолжал он. — Могут делиться друг с другом подробностями «грёз», могут даже ходить вместе. А могут и вместе не ходить. — Майя ясно видела, как увлекала его эта мысль — глаза Глеба зловеще блестели. — Подумай. Это лишь один способ открыться и стать ближе. Кстати, необязательный. Хотя, — добавил он и снова ухмыльнулся так, что Майе стало противно от его выражения лица, — я слышал, у тебя уже были варианты, с кем вступить в брачный...

— Нет! — она резко перебила Глеба, и тот рассмеялся.

— А Тарас делился с тобой всеми подробностями своих путешествий? — сквозь смех спросил он. — Хотя ты права, бедолага теперь не вариант. Не встречал, чтобы так рвало башню от «грёз» даже у маленьких мальчиков...

Пустоту в душе Майе стремительно наполнял гнев. Глеб, самоуверенный, властный, казался отвратительным. Каждое его слово, каждая ухмылка вызывали раздражение. Приходилось изо всех сил контролировать себя, чтобы не выдать ни жестом, ни

взглядом своего отношения, но даже сама мысль, что Глеб возомнил, будто знает хоть что-то о Тарасе или её чувствах, вызывала бурю.

Мысли прервал кроткий стук в дверь. Работница пекарни бесшумно вошла с подносом, стремительно расставила чашки с чаем и тарелки со сладостями на небольшом письменном столе и так же бесшумно удалилась, не отрывая взгляда от пола. Для Глеба такая услужливость, видимо, была в порядке вещей — на девушку он даже не взглянул, зато Майю сверлил взглядом. А ей было до того не по себе от всего происходящего, что хотелось выбежать из кабинета и никогда не возвращаться.

— Попробуй, они вкусные, — Глеб указал на пирожные, — такие сладкие. Знаешь, ведь большинство людей пробуют вкусное только в «грёзах». Мне кажется, это неправильно, ведь много чего можно делать и в настоящей жизни.

— Я не голодна.

— А у меня, признаюсь, всегда отличный аппетит, — Глеб рассмеялся, выбрал одно из угощений, повертел в руках, откусил. Майя выжидающе смотрела. Он отложил сладость и продолжил с мерзкой улыбкой: — Хотя, знаешь, повторять действительно стоит не всё. Ребята частенько рассказывают мне, что Тарас выделяет в своих «грёзах», — он замолчал и с удовольствием наблюдал, как Майя бледнеет от злости: — Пожалуй, это было бы уже чересчур. Я даже смотреть отказался...

— Откуда ты...

— Откуда знаю? — Глеб ещё шире улыбнулся. — Майя, да ты даже не догадываешься, кто я такой и на что способен. Не все живут как ты или этот Тарас. Не обязательно бояться осмотров и вздрагивать от любого стука. Можно жить лучше, куда лучше. Я предложил бы это не каждой, но я вижу, что в душе ты готова. Признайся... нет, необязательно мне, признайся сперва себе — ведь ты хотела бы жить интересно и без «грёз»? Я могу это организовать. Я хочу того же.

— Я могу идти? — собрав всю волю в кулак, спросила Майя.

— Ты можешь делать что хочешь.

Она стремительно выбежала из комнаты, а Глеб, хохоча, смотрел ей в след.

Майя быстро бежала вдоль забора. Руки и ноги ритмично работали: раз-два, раз-два. Сердце колотилось о рёбра. Горло жгло. Она хотела убежать от Глеба, от мыслей, от себя. Вот бы провалиться в пустоту. Майя сконцентрировалась на дыхании. Раз — выдох. Два — вдох. Так продолжалось довольно долго, пока она не ощутила, что нижняя рубашка пропиталась потом и начала неприятно липнуть к спине. Майя сбавила темп и постепенно перешла на шаг. Карманные часы показывали четыре часа — до конца рабочего дня она успевала вернуться, но сейчас это было неважным, пусть даже её выгонят с работы. Ей нужны были ответы. Необходимо было понять, разобраться, чего добивался и хотел Глеб.

— Да тебя он хочет, — баба Раиса даже не удивилась, когда Майя вломилась к ней в квартиру — покрасневшая и растрёпанная — и вывалила всё, что произошло в пекарне. Раиса казалась расстроенной. Под глазами появились красные мешки, щёки впали — она заметно похудела. Казалось, за минувшие недели она постарела на десяток лет.

— Зачем? — зло спросила Майя. — У него есть всё. Он может взять... любую.

— Да, у него есть всё. Даже больше. Подумай только — доступ к чужим «грёзам»! Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Что кругом враньё, — нетерпеливо ответила Майя.

— В точку.

— Так почему же я...

— Ему интересно. И, поверь, Майя, Глеб — не самый плохой вариант. С ним ты хотя бы не будешь дрожать от страха ляпнуть лишнего.

— Зато каждый день буду дрожать от страха перед ним.

— У парня хоть есть воображение, интересы. Как я поняла, не самые возвышенные, но тем не менее...

Майя постеснялась спрашивать, что Раиса имела в виду.

— А Тарас?

— Да забудь ты уже про Тараса! — вспыхнула от гнева Раиса. — Кончено с ним. Такими темпами он вот-вот растратит свои накопления и начнет закладывать всех, кого знал. Хотя, может, и без того начнет. — В глазах Раисы отразились тоска. Она тихо добавила: — Надеюсь, я до того времени не доживу.

Обе молчали. Майя внимательно разглядывала её усталое морщинистое лицо, грязное коричневое платье, седые растрёпанные волосы — словно всё это видела впервые. Она ощущала злость. В тот момент Майя ненавидела весь мир: Тараса она презирала за слабость, Глеба за могущество, а Раиса вызывала отвращение, потому что сдалась.

Она сидела на неудобном стуле за пустым столом и не могла заставить себя пошевелиться, уйти или хоть что-то сказать. «Хуже быть не может», — крутилось в голове. Тишину внезапно прервал громкий звук стремительно приближающихся по коридору шагов. Спустя мгновение в комнату влетел перепуганный бледный Сашка, и сказал, что их отец только что умер.

7

В этот день Майе исполнялось 17. На память сам собой пришёл её пятый день рождения — одно из любимых воспоминаний о детстве. Мама и папа вместе зашли за ней в сад. Втроём они долго гуляли по городу, а когда проголодались, уселись прямо на газон центральной площади. Ели хлеб, принесённый с собой, а запивали сладким чаем из термоса. Как же было вкусно!

Майя помнила, как подошёл полицейский уточнить, что они делают. Папа ответил, что ужинают, а мама улыбнулась и предложила ему угоститься. Штрафа не было — только устный выговор. Яркое солнце, колючий искусственный газон, запах хлеба, мамина улыбка. Майя закрыла глаза и представила, что ей снова пять, а рядом родители — ощущение спокойствия разлилось по телу.

Она открыла глаза. Тёплое воспоминание моментально рассеялось — в реальности всё было иначе. Ни солнца, ни родителей. Привычным движением Майя спрятала туго стянутые волосы под косынку, проверила, что они аккуратно убраны, и надела рабочий передник. В кармане — часы, электронный пропуск и две монеты, на всякий случай. Её ждала работа.

Как всегда, она отсканировала пропуск на входе и пошла в цех, который её встретил привычным гулом механизмов и резким запахом красителей.

— Доброе утро, Майя! — Она остановилась и оглянулась. К ней приближался Лобанов. — Мне поручили передать тебе подарок от города. С совершеннолетием!

Он похлопал её по плечу и протянул красный конверт со знакомой эмблемой. Все, кто был неподалеку и слышали их, вяло хлопнули в ладоши. Майя, смущаясь, поблагодарила начальника и сунула конверт в карман передника. Любопытства не было — она знала, что это приглашение на первую «грёзу».

Внутри бушевала злоба, которая подсказывала изорвать и выбросить подарок. Эта идея сменялась другой, ещё более глупой — плюнуть на всё и пойти-таки на «грёзу». Забыться, провалиться в иной мир, исчезнуть на полчаса, раствориться в чьей-то мечте. «Да что тебе терять? — звучал незнакомый тоненький голосок в голове Майи. — За что ты тут так держишься? Что может случиться хуже того, что уже произошло?»

Сегодня красили в чёрный. Унылые полосы ткани растягивались по цеху, а Майя думала только о Тарасе. Вчера в газете вышло его интервью. В статье говорилось, что он больше не занимался осмотром помещений — его перевели на работу на более высоком, секретном уровне. На полутора страницах Тарас рассказывал, как «грёзы»

помогли ему добиться повышения и в целом изменили жизнь к лучшему. «Идиотский чёрный, — думала Майя, — идиотский Тарас».

Вечером она расплакалась над раковиной. Чёрный краситель въелся в руки, забился под ногти. Как она ни тёрла — не получалось избавиться ни от краски на руках, ни от Тараса в голове. Чтобы отвлечься, Майя решила пересчитать монеты. Таисия задерживалась на работе — в комнате никого не было. Привычным движением она открыла ящик с бельём и потянулась к тайнику. Но там ничего не было.

Волна паники захлестнула её, тело бросило в жар, щёки запылали. Не может быть! Майя вышвырнула все вещи из ящика, обшарила каждый уголок, но ничего не нашла. Горькие слёзы катились по щекам. Осознание, что все её сбережения пропали, просачивалось в разум медленно, словно яд. Майя не стала обыскивать вещи Таи, посчитав, что если монеты украла соседка, то не оставила бы их в комнате.

Устало она легла на холодный пол и закрыла глаза. Голова кружилась. Ум отказывался соглашаться с несправедливой реальностью и очередной потерей. «Фантазия» казалась единственной возможностью разобраться хоть в чём-то. За долгие годы Майя убедила себя, что найдёт в «фантазии» ответы на все вопросы, что это станет ключом к чему-то важному. Но, помимо горя и досады, она ощущала то, что напугало её ещё больше — внезапное облегчение, ведь ей не придётся рисковать, она не потерпит новых разочарований.

«Если отказаться от любопытства, если отпустить свои мечты и стремления, если поддаться потоку и стать как все, ведь станет проще? — тоненький голосок в голове успокаивающе нашёптывал: — Просто смирись. Просто подчинись». Майя нашарила в кармане смятый конверт и открыла его. Внутри было официальное письмо. Она глубоко вздохнула и едва слышно произнесла: «Станет проще».

«Поздравляем с совершеннолетием! — было сказано в письме — Примите от города подарок». «Города» было перечеркнуто и от руки исправлено на «Глеба». Майя ахнула и резко села, отчего перед глазами замелькали чёрные точки, и пришлось с усилием вчитываться в текст. «Вам предоставлена стандартная “грёза”» — «грёза» тоже была перечеркнута и подписано «фантазия». Длительность оказалась изменена с 30 минут на 60.

Далее шёл перечень стандартных «грёз» и адрес. Цифры в номере и штрих-коде тоже были с исправлениями от руки.

Майя перечитывала письмо снова и снова, не веря своим глазам.

8

«Расслабьтесь».

Расслабиться ничего не стоило. Тело слилось с креслом, в голове появилась приятная лёгкость. Мыслей не было. Майе было удобно, несмотря на то, что руки и ноги были пристёгнуты ремнями, а к голове тянулись разноцветные датчики. Мужчина в красной форме улыбался, когда ставил укол в вену. «Приятного путешествия», — сказал он и исчез. Светлая комната поплыла перед глазами.

«Закройте глаза», — приятный голос звучал то ли из стен комнаты, то ли прямо в голове у Майи — было не разобрать.

«Приготовьтесь к погружению через пять...»

Майя глубоко вдохнула. Волнения не было. Она радостно растворялась в белом тумане.

«Два...»

Майя улыбнулась.

«Один...»

Она открыла глаза. Вокруг ничего не было — лишь белая пустота. Майя поморгала, потрогала себя: лицо, голову, плечи. Определенно, она находилась здесь, и это не сон, но что нужно делать было непонятно. В инструктаже предупредили, что никто не знает, что именно происходит в «фантазии», поэтому никаких советов ей дать не смогут. «Не лучший инструктаж», — подумала Майя, вспоминая его, но торчать на одном месте было бы глупо.

«Надо бы идти», — подумала она и тут же увидела, что стоит на дороге. Красивая золотая дорога уходила в туман. Майя была заинтригована. Её раздражало, что туман никак не хотел принимать внятные очертания, и захотелось встретить кого-нибудь, кто поможет. Вдруг она увидела, как к ней приближается мама.

Необычайно красивая: волосы не короткие, как в конце её жизни, а развевающиеся, длинные, какими Майя запомнила их в детстве. На ней был не угрюмый стандартный балахон с передником, а красивое платье из незнакомой струящейся ткани. Это было потрясением. Какое-то время Майя стояла и просто любовалась мамой, боясь пошевелиться — вдруг видение исчезнет. Слезы радости покатались по щекам, она не выдержала и побежала ей навстречу. Спустя мгновение Майя очутилась в нежных объятиях мамы и зажмурилась от удовольствия, ощущая, как та гладит её по голове. Какое-то время они стояли, молча обнявшись, и она ощущала себя счастливой маленькой девочкой. Её мама здесь. Жива. Рада ей.

— Мне так жаль! — слова вырвались, прежде чем Майя успела осознать их.

— Мне тоже, доченька! — звучный голос мамы наполнял теплотой сердце.

— Мне жаль, что ты, что ты и папа, что вы...

— Не думай об этом. Сделанного не вернёшь, но я очень сожалею, что не могу быть с тобой. Но знай, что я люблю тебя больше всего в мире и горжусь тобой, доченька. Ты такая красавица, такая молодец!

— Да какая там молодец! — Майя понимала, что волна горькой досады поднимается внутри неё и слова вылетают сами. — Мне плохо, мама! Жизнь — дрянь. Этот мир — дрянь! У меня нет никого. Я устала от этого! Я хотела бы, как ты и па...

— Ты есть у себя, милая! А это целая Вселенная! Ты — драгоценность, доченька!

Эти слова разлились внутри Майи, словно вкусный чай. Ей вдруг стало спокойно и тепло. Она хотела и дальше оставаться с мамой, но появилось ощущение, что задерживаться здесь нельзя, что впереди есть нечто важнее. В голове роились вопросы, но стоило маме обнять её крепче, ответы словно пришли сами собой.

— Держи, доченька, — она протянула Майе золотую монетку, — помни, что ты ценная! Ты сама ценнее любых монет, любых сокровищ!

Майя наклонилась рассмотреть подарок, а когда подняла глаза, рядом с мамой появился отец. Высокий, крепкий, он выглядел счастливым и тепло улыбался.

— Ты простишь меня, дочь?

— Конечно, — Майя улыбалась сквозь слёзы. — Конечно, пап. А вы... вы счастливы?

— Не думай об этом, всё у нас хорошо. Мы любим тебя. — Он сжал руки Майи, где была монетка, и она засияла ещё ярче. Майя невольно залюбовалась её мерцанием, а когда опомнилась, родителей рядом уже не было.

«Куда её положить?» — подумала она и оглядела себя. На ней оказалось красивое белое платье в пол, но карманов не было. «Но это же подарок от родителей! Я хочу взять его с собой, чтобы помнить об их любви всегда», — подумала Майя. И тут монета поднялась в воздух, закружилась и заняла место где-то в районе сердца. По телу разлилось приятное тепло. Её охватило вдохновение.

«Что же дальше? Что там ещё, в этом тумане?» Она совсем не боялась. Майя почувствовала себя в безопасности и осознала, что найдёт всё, что пожелает. Ей захотелось побежать. Вышло легко, грациозно. Не было привычных ощущений — ни тяжести в ногах, ни напряжения. Она словно парила, а ветер приятно и красиво развеивал волосы и платье. Ей было хорошо.

За туманом проявилась поляна. Трава, деревья, птицы, цветы — Майя словно увидела всё разом. Небо голубое, высокое, облака белые, позолочены по краям солнцем. Это казалось уютным, родным. Ветер трепал листья деревьев, они мелодично шумели и казались живыми, жаждущими рассказать тысячи историй. Высокая трава шевелилась, словно дышала. Цветы покачивал ветерок. Пространство приветствовало Майю.

Где-то в голове мелькнул внезапный старый страх: а вдруг здесь опасно? Ведь где растительность, там насекомые, звери, а значит и смерть. Она вздрогнула, когда уловила в траве какое-то движение. Стая красивых белых птиц вмиг взлетела в небо, Майя успела только ахнуть, а они уже превратились в маленькие точки на фоне облаков. Птицы не были страшными, напротив, казались красивыми, грациозными. Хотелось их разглядеть.

В траве был кто-то ещё. Вернулась тревога, которая тут же рассеялась, как только она разглядела маленькую девочку, сидящую на земле. Малышка показалась знакомой, Майя решила подойти к ней поближе. Милая, лет шести, девочка безмятежно плела веночек из ярких жёлтых цветов и напевала что-то себе под нос. Когда Майя приблизилась, малышка подняла взгляд, и в её красивых серых глазах отразилось небо.

— Привет.

— Привет.

— Ты кто?

— Я — ты.

Майя удивлённо уставилась на девочку. Действительно, такой, видимо, она и была в детстве.

— А что ты делаешь?

— Скучаю. Ты очень скучно живёшь.

— А чего бы ты хотела?

Девочка поднялась на ноги и изобразила какие-то изящные движения. Она танцевала, словно слышала музыку, и Майя рассмеялась.

— У тебя уже не голова, а кладбище — сколько всяких мыслей и идей тут похоронено.

— А что делать?

— Да хоть что-нибудь уже надо делать, согласись...

— А как?

Девочка пропустила её вопрос мимо ушей. Веночек был закончен. Она повертела его в руках, поправила пару цветков, надела себе на голову и принялась кружиться, явно красуясь перед Майей. Та не удержалась и зааплодировала.

— Пошли, — с этими словами девочка взяла её за руку, и они зашагали вперед. Декорации сменились. Майя узнала унылые стены и небольшое окно своей квартиры. На коричневом диване сидели мама и папа — молодые, счастливые. На руках малышка Майя кричала и корчилась, а они по очереди держали её, успокаивая. Уставшие, но улыбались друг другу.

Вдруг эта картина сменилась, Майя из видения стала взрослее. Она в детском саду. Родители пришли за ней вместе — у них совпало окончание рабочего дня. Майя была счастлива, а остальные дети ей явно завидовали. Мама, смеясь, обнимала её. Они шли втроём, взявшись за руки.

Следующая картинка — Майя ещё чуть старше. Теперь они с девочкой в жёлтом веночке стали одинакового роста, только в воспоминании она была несчастна и коротко острижена, а девочка из «фантазии» — с длинными кудрями, весёлая и нарядная. Из сада забрали большинство детей, а за Майей не пришли. Ей готовили постель, а она

проглатывала слёзы. В горле засели обида, злость, страх: мама и папа решили, что она им мешает зарабатывать.

Ещё кадр — родители огорчены. Им не хватило денег на «грёзу». Мама кричала, что отец должен их достать, ведь эта жизнь невыносима. Майя плакала. Мать выразительно смотрела на неё со словами: «Видишь, видишь. Полюбуйся, КАК тут жить?!» Майя не выдержала, подбежала к маленькой себе.

— Боишься? — Та кивнула. — Хочешь на ручки?

Снова кивок. Она усадила маленькую себя на колени и долго гладила по голове. Девочка в веночке сочувственно смотрела.

— Не бойся, милая! — она подошла поближе. — Тебя очень любят! Ты ведь лучшая в мире! Держи, — она сняла с головы венки и надела малышке. Майя ощутила, словно цветы тут же окутали и её голову, даже уловила их нежный аромат. Малышка из воспоминания была удивлена и рада подарку.

— Тебя любят, — прошептала взрослая Майя.

Сцена вновь переменилась. Они оказались на всё той же приветливой красивой поляне с ласковым ветерком. Майя ахнула от неожиданности, когда из высокой травы показался Тарас. Не в привычной чёрной форме, а в белой рубашке. Улыбаясь, он приветствовал её, и она бросилась в его объятия.

— Прости, я такой идиот.

— Нет! — она крепче обняла его, понимая, что скоро это прекратится.

— Майя, я слабак и куда хуже, чем ты думаешь.

— Я помогу тебе! — торопливо заговорила она, — Это как болезнь. Вместе мы с ней справимся, и ты забудешь о...

— Да мне удобнее так, понимаешь? Я не хочу ничего менять. Мне удобнее с «грёзой»...

— Нет! — Майя упрямо замотала головой.

— Я просто боюсь...

— Чего? — она удивилась. Радость встречи с Тарасом неумолимо сменялась жёстким разочарованием.

— Жизни. Настоящей жизни с тобой. Я так часто думал об этом... Ты замечательная, у тебя столько идей, ты действительно достойна лучшего. А я не хочу всего этого, мне куда проще так. Отпусти меня. Ты лучшая из всех, кого я встречал, не потеряй себя, — Тарас попытался поцеловать Майю в макушку, но она резко вырвалась из объятий. Несколько секунд молча смотрела на него, а затем принялась колотить.

Тарас неподвижно стоял и просто улыбался. Белая рубашка превратилась в чёрную форму, волосы стали короче, лицо жёстче. Майя била его изо всех сил — по лицу, плечам. С каждым ударом она ощущала, словно уходит часть её самой — обиды, боль, тяжесть, освобождая место новому. Чем яростнее становилась Майя, тем более отрешённым выглядел Тарас.

Когда его глаза остекленели, она, обессиленная, упала в траву и, глотая слёзы, наблюдала, как образ друга растворяется в белом тумане. «Даже в мире фантазий нам не быть вместе», — горько подумала Майя и почувствовала, как её гладит по голове маленькая тёплая рука. Девочка улыбнулась ей и протянула огромный красный цветок.

— Тарас передал, — сказала она. — Говорит, ты ещё красивее и ярче.

Майя приложила его к груди и вздрогнула, когда он слился с кожей. По телу вновь разлилось тепло и небывалая лёгкость. Ни обид, ни горечи, ни разочарований не было, но в горле появилось жжение. Майе вдруг захотелось кричать.

— А-а-а-а!

Девочка заулыбалась.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Майя кричала сильнее. Голос крепчал, тело вибрировало от звука. Маленькая девочка присоединилась, и они вдвоём вопили во всё горло.

— А-А!

Было хорошо. С этим криком ушёл последний гнев, сгинули сожаления. Стало легко и весело. Майя ощутила себя хозяйкой мира, поняла, что свободна и может делать что захочет. Новые возможности вызвали мощнейший прилив сил.

— Ещё кто-нибудь? — деловито спросила девочка. — А то твоё время заканчивается.

Майя посмотрела на неё, но она уже побежала с весёлыми криками догонять бабочек.

— Глеб? — тихо позвала Майя и не удивилась, что, обернувшись, увидела его.

Уверенным шагом и с привычной ухмылкой к ней приближался Глеб. Но здесь была её территория. Майя впервые в жизни ощутила власть над мужчиной. Это чувство казалось сладким, она ощутила разом всё своё тело, каждую клетку. Майя чувствовала, как распущенные волосы касаются её плеч, спины, как ступни уверенно стоят на мягкой земле, как щекоchet ноги трава, как обнимает платье. Стоило ей обратить на него внимание, платье изменилось, стало затейливее, роскошнее, ярче. Плечи и руки оголились, их приятно ласкал ветер. Невидимый венок на её голове превратился в корону. Майя ощутила её вес и гордо выпрямила спину. Мурашки пробежали вдоль позвоночника, словно электричество. Она чувствовала себя могущественной и непобедимой.

Майя подошла к Глебу вплотную, посмотрела в упор. Они оказались практически одного роста, хотя раньше ей казалось, что она гораздо ниже.

— А что скажешь мне ты?

Было приятно видеть восхищение и желание в глазах Глеба. Он потянулся к ней, словно хотел поцеловать.

— Лишь это? — Майя звонко рассмеялась и жадно поцеловала его в губы. Глеб с восхищением ждал продолжения. — Тебе интересно лишь это? Как жаль. Я чувствую в тебе и страх. Жаль вдвойне. Так почему ты отправил в «фантазию» меня, но не пошёл сам?

— Боялся узнать, — тихо признался он.

— Узнать что?

— Себя. Себя настоящего. Вдруг я окажусь пустым местом? А кто-нибудь будет наблюдать «фантазию» и узнает, что на самом деле я пустое место?

Майя бессердечно расхохоталась.

— А зачем тебе я, объяснишь?

— Я чувствую, что с тобой смогу больше. Мне нравится, что ты, смелая и сильная, всё же считала, что я сильнее. Я мог бы стать значительно сильнее с тобой. А ещё... — он замялся.

— Продолжай, — властно сказала Майя.

— Ещё мне показалось, что ты готова была нарушить правила для удовольствия или хотя бы из любопытства. Я бы хотел этого...

— Какое жалкое зрелище, — ввернула маленькая Майя, незаметно появившаяся рядом, — мне уже скучно.

Взрослая Майя снова громко рассмеялась.

— Ты реально думал, что меня заинтересует просто физическая близость с тобой вне «грёз»? Ты рассчитывал, что я куплюсь на возможности и помогу твоим пошлым мечтам реализоваться в жизни? — В этот момент Глеб показался ей жалким и смешным, с разочарованием она сказала: — Вся твоя смелость всего-то сводилась к похоти. Какая нелепость! Знаешь, я так стыдилась себя рядом с тобой, мне казалось, что я не дотягиваю. Мне было так страшно... Но сейчас я увидела, что страхи и стыд — это не мои, а твои спутники. Забери их.

Глеб не решался посмотреть на неё и начал уменьшаться в размере. Вскоре он и вовсе исчез, а на его месте оказалось кольцо. Маленькая Майя подобрала подарок, с

любопытством повертела в руках и протянула взрослой со словами: «Даже он оставил полезное».

Кольцо было красивое. Майе показалось, что оно старое, дорогое, очень важное и словно уже принадлежало ей раньше. Она надела его на указательный палец и нисколько не удивилась, наблюдая, как оно впилась в кожу и исчезло из вида. Но Майя продолжала ощущать его приятную тяжесть на руке.

— Торопись, времени-то почти нет, — сказала девочка.

— А мы ещё увидимся?

— Ты издеваешься? — она выразительно вскинула брови. — Я же с тобой всегда, в твоей голове.

— А что ещё можно узнать?

— По мне, и так достаточно. Хотя ты и так знала всё, что увидела.

— Что, например?

— Мы внутри ТВОЕЙ головы, не забыла? Всё всегда тут. Ты сама и способна изменить всё. Давай уже, иди, потом подумаешь. Кстати, — девочка протянула ей ключик, — чуть не забыла. Это тебе от меня.

Майя взяла маленький золотой ключ и закрыла глаза. Каждый подарок, что она получила во время этого странного путешествия, радостно отзывался в теле: приятно грела монета у сердца, ярко сиял цветок в груди, палец ощущал тяжесть кольца, а на голове красовалась незримая корона.

«Просто запомни: ты сама способна творить свой мир! Любой, какой захочешь», — слова доносились издали или изнутри неё самой — было не разобрать. Они же вертелись на губах, когда Майя открыла глаза. Вокруг была всё та же светлая комната, то же удобное кресло и те же разноцветные датчики. Но совсем другой стала она.

9

Был выходной, погода стояла по-летнему чудесная, и Майе совсем не хотелось возвращаться в общежитие. С Таей по поводу пропажи монет она так не говорила, но сейчас это казалось неважным. Единственное, что волновало её — собственные переживания и неповторимые ощущения свободы и счастья. Пожалуй, даже с бабой Раисой она не стала бы этим делиться. Единственное, что омрачало радость Майи — страх, что Глеб или кто угодно другой мог наблюдать за её фантазией. Но уверенность, что произошедшее принадлежало ей одной, была сильнее.

Она бродила по городу не спеша, и многие привычные вещи казались ей незнакомыми. Ступала Майя как-то иначе — величественнее, медленнее. Голову держала высоко, словно на ней была не старая косынка, а сияющая корона. Она с удовольствием наблюдала за каждым своим шагом: как вес распределяется по ступне, как работают мышцы — всё казалось ей в новинку. Майя дышала полной грудью и представляла, что каждый вдох делает её сильнее, а выдох избавляет от страхов.

«Ты сама творишь свой мир», — звучало в её голове. Бабы Раисы не оказалось дома, поэтому она решила навестить родную квартиру. Сашка после смерти отца тут не появлялся, и она выглядела заброшенной. Затхлый запах навевал тоску. Первым делом Майя распахнула окно. Большинство вещей она передала в службу заботы, поэтому квартира казалась пустой. На кухне как попало валялась посуда и немного утвари.

Всё казалось чужим. О том, что здесь жила именно Майя, напоминали едва различимые отметины на стене — в детстве папа фиксировал так её рост. Не придумав ничего лучше, Майя решила всё перемыть. В голове назойливо крутилось: «Ты сама творишь свой мир», — что бы это значило? В смысле, как сейчас — убираю грязь, и становится чище? Или как в «фантазии»: захотела — и получила? Когда посуда была вымыта, Майя взялась за швабру. Оставалось вымыть только уборную, когда она услышала шаги. Спустя мгновение на пороге появился полицейский. По обилию значков на его груди было понятно, что это не осмотр помещений.

— Здравствуйте, Майя Алексеевна, Вы вызываетесь на дачу показаний. Пойдёмте за мной.

Она оставила швабру, поправила косынку, надела передник, положила в карман часы и, окинув чистую квартиру взглядом, вышла.

В полицейском участке Майя не была ни разу. Он располагался в районе, который граничил с запретной зоной. Здание было серым, как и другие строения города, отличало его только чёрная полоса на уровне второго этажа с крупной белой надписью «Полиция». Сразу следом за полицейским участком виднелся высокий белый забор, за которым располагались сельскохозяйственные помещения, резиденции градоначальников и дома горожан с высоким уровнем доступа.

Майе казалось, что они шли по запутанным коридорам и лестницам целую вечность, поэтому, когда перед ними оказалась нужная дверь, она даже обрадовалась. Собственное спокойствие удивляло её. Виною тому «фантазия» или нет, Майя не знала, но тело и мысли словно замедлились, исчез всякий страх, а происходящее казалось скорее занимательным, чем опасным или досадным. Она чувствовала, что её жизнь меняется, и это больше интересовало, чем пугало.

Полицейский распахнул дверь, и Майя увидела просторное светлое помещение. Незнакомый мужчина в форме взял её под руку и провёл прямо к одинокой трибуне посреди зала, напротив которой сидели в ряд полицейские разных чинов. Впереди ряда стоял небольшой стол, заваленный бумагами. За ним восседал грозного вида усатый мужчина. Все внимательно смотрели на неё.

— Майя Алексеевна, сегодня Вы посещали «фантазию»? — она услышала это словно издалека, и ей понадобилось время, чтобы сообразить, что ответа ждут именно от неё.

— Да, — вышло тихо, и она услышала недовольный ответ:

— Громче, пожалуйста. — Мужчина, сидящий за отдельным столом, выглядел раздражённым.

— Да, я посещала сегодня «фантазию», — громко сказала она, возвращая ему раздражённый взгляд.

— Вы заплатили за неё?

— Нет.

— Как у Вас появился доступ к «фантазии»?

— Мне подарил её Глеб Павлович Соколов.

— Почему?

— Не знаю, — Майя невольно улыбнулась, хотя момент был явно не из весёлых.

— Это дорогой подарок. Вы уверены, что не знаете? — мужчина, задававший вопросы, казалось, даже привстал со своего стула.

— Мы пересекались по работе, — Майя соображала, что ещё можно было сказать, чтобы ответ удовлетворил полицию, и добавила: — он знал, что у меня день рождения.

— Вы обсуждали посещение «фантазии» раньше?

— Да. — По залу пронёсся неодобрительный шепоток. — Глеб Павлович спросил, выбрала ли я «грёзу», и я сказала, что хочу «фантазию».

— Вы связывались с ним после этого?

— Нет.

— Вы знакомы с Раисой Николаевной? — Майя замешкалась, так как не сразу поняла, что речь идёт о бабе Раисе.

— Да.

— Вы знали, что она хранит у себя запрещённые вещи?

Вопрос был с подвохом, Майя соображала, как лучше ответить. Отрицать всё или признаваться? Что было бы лучше в этой ситуации? Обдумывая ответ, она оглядела всех присутствующих, и её сердце словно пропустило удар — из дальнего угла за ней наблюдал Тарас. Их взгляды на мгновение пересеклись, но он и бровью не повёл — его лицо не выражало ничего.

— Вы знали, что она хранит у себя запре... — теряя терпение, начал повторять усатый полицейский, который вёл допрос.

— Я знала, что у неё есть картинка. — Снова возмущённый шёпот.

— Одна? Опишите её.

— Да, одна. Она хранилась в учебнике, — Майя мгновенно поняла, что надо было бы рассказать про другую, ведь осквернение учебника — это плохо, но было уже поздно.

— Опишите, — настойчиво повторил полицейский.

— Это старая мятая картинка. Я видела её мельком. Там изображена девочка, — Майя смотрела на Тараса в упор — он старательно избегал её взгляда.

— Это всё?

— Да.

— Вы говорили об этом с Раисой Николаевной?

— Да. Она сказала, что картинка принадлежала её матери. Больше ничего.

— Вы подтверждаете? — внезапно мужчина, что задавал вопросы, обратился к Тарасу. Тот встал, прокашлялся и, смущаясь, ответил:

— Нет. Картинки были другие. Такую я не видел.

Майя была готова взорваться от негодования. «Что он наделал! Как мог?» Она смотрела на Тараса и чувствовала омерзение. Казалось, впервые она видела. Нет, не этот человек нежно обнимал её и украдкой целовал в макушку. Не он придумывал причины, чтобы задержаться на осмотре помещений подольше и при любом удобном случае касался её руки. Она вспомнила его в «фантазии», каким он был жалким, каким слабым, и ощутила сильнейшее разочарование.

— Расскажите, что видели Вы? — спросил усатый мужчина, который вёл допрос.

— Это были три картинки, — Тарас поспешно перечислил знакомые и милые сердцу Майи изображения, — и письмо.

— Что за письмо?

— Запись матери Раисы Николаевны. Лишь один листок, — Тарас запнулся.

«Замолчи! Заткнись!» — беззвучно кричала Майя.

— Что же в нём было?

— Мнение той женщины о Вавилоне-3, — он помедлил и добавил: — Негативное мнение.

— Это очень мягко сказано, Тарас Васильевич, — усатый полицейский повысил голос и даже встал со своего стула. — В письме содержатся опасные идеи, которые способны нарушить привычный ход жизни всего города и навредить горожанам. Такие вещи подлежат немедленному уничтожению. Майя Алексеевна, — она вздрогнула, когда услышала своё имя, — Вы знали об этом письме, читали его?

— Нет, — поспешно ответила Майя, но понимала, что её выдавал голос и что они и так знали правду.

— Вы соврали перед свидетелями, — громыхал мужчина. — Вы подтверждаете, что умышленно соврали?

— Да, — Майя выпрямилась и гордо подняла голову. Ей было абсолютно всё равно.

До выяснения обстоятельств её отправили в камеру. Несмотря на то, что это решение прозвучало мрачно, на деле всё оказалось не страшно. Камера представляла из себя отдельную маленькую комнату с решётками на узком окне и запертой дверью. Как только Майя осталась в одиночестве, она улеглась на узкую кровать и уставилась в потолок. Происходящее казалось нереальным, словно она смотрела странный сон, и в какой-то момент она действительно задремала. Когда пришёл Тарас, ему пришлось дотронуться до руки Майи, чтобы разбудить.

— Привет.

Она открыла глаза, посмотрела на гостя и демонстративно отвернулась к стене. Ей было противно всё: его голос, потные руки, запах, дыхание.

— Меня прислали к тебе, чтобы я всё объяснил, — его тон был извиняющимся, и это раздражало Майю.

— Что с бабой Раисой?

— Ты не знаешь?

— Чего не знаю? — она резко повернулась и села на кровати.

— Она в больнице. У неё был приступ... Мне жаль, — тихо добавил он.

Майя не заплакала. В глубине души она именно такого ответа и ждала.

— Расскажи об этом Юле вечером. Думаю, она найдёт способ тебя утешить, — зло сказала Майя. — Надеюсь, это действительно того стоило.

— Не в том дело... — начал оправдываться Тарас, но она его перебила.

— С ней было действительно НАСТОЛЬКО хорошо?

— Прекрати. Раиса поступала неправильно. Она была преступником.

— Дело именно в этом, Тарас. Ты предал её за... За просто так. — Голос становился громче, она соскочила с кровати и принялась расхаживать по крохотной камере.

— Майя! Саботаж системы — это опасное дело. Ты просто не в себе, тебе промыли мозги.

Услышав это, она расхохоталась так заливисто и громко, что Тарас даже огляделся по сторонам, словно прикидывая, не позвать ли на помощь и не сошла ли Майя с ума.

— Нельзя вселять людям в голову ложные фантазии и надежды, Майя. А Раиса этим и занималась. Как ты не поймёшь? Нельзя заставлять людей отказываться от счастья.

— Вот тут ты прав. Только совокупляться с чьей-то выдумкой — это не счастье.

— Да что ты знаешь, — он тоже поднялся на ноги и зло смотрел на Майю сверху вниз.

— Знаю одно, Тарас. Ты ПАРШИВЫЙ. Паршивый и гнилой. А если ты не уберёшься отсюда прямо сейчас, меня стошнит прямо на твои новые значки.

— Майя, ты не права. Вы обе не правы. Порядок есть порядок. Зачем тешить себя воображаемым прошлым и придумывать небылицы, если можно...

— Небылицы придумывают тебе, Тарас. А ты их жрёшь. Убирайся!

Он бросил гневный взгляд и метнулся к двери. Затем, сжав кулаки, повернулся к Майе и ровным голосом сказал:

— Ты должна раскаяться, и наказания не будет.

— Я раскаиваюсь, что любила тебя, Тарас. Больше — ни в чём.

В тот день к ней приходил ещё один человек. Его форма была чёрной, но пошита красивее, чем у большинства полицейских. Пуговицы были золотыми, а на груди красовалась целая коллекция разных значков. Его интересовало только одно — как именно Майя познакомилась с Глебом и почему он сделал ей этот подарок. Несколько раз она рассказала одно и то же, и мужчина, казалось, ушёл довольным. После его ухода Майя вяло размышляла, отразится ли хоть как-то на Глебе этот инцидент, но пришла к выводу, что ничего ему не будет, и провалилась в глубокий сон.

Ей снилось, что она находится в тёмном замкнутом пространстве. Где она, как сюда попала и куда ей нужно идти было непонятно. Кромешная тьма скорее не пугала, а раздражала. Майя силилась разглядеть, что впереди, но толку не было — темнота только резала глаза. В руках у неё оказался зажат маленький изящный ключ на длинной цепочке. Тот самый, что подарила ей девочка в «фантазии». Майя наощупь продвигалась вперед в надежде, что у этого непонятного тоннеля есть конец, но ничего не менялось. Она прислонилась к каменной влажной стене и долго стояла, размышляя, что сделать: ни двери, ни замка она не нашла. Никакого шкафа или сейфа тоже не было — она обшаривала на ощупь всё узкое пространство. Находиться в этой тёмной пещере было неприятно. Казалось, она душит её, поглощает.

Внезапно Майя осознала, что к иллюзии давления добавилась и физическая боль. Что-то совершенно реально стискивало её голову всё сильнее и сильнее. Это не были ни венок, ни корона — от них ощущения были приятными, а сейчас становилось не по себе. Она ощупала свою голову — руки коснулись холодного ржавого металла.

Майе захотелось рассмотреть, что это, и тут же она словно выпорхнула из тела и стала наблюдать за происходящим со стороны. Тускло светились на голове неприятные тяжёлые обручи — старые и пугающие. Они не принадлежали ей, она чувствовала их нелепость, чужеродность. Единственным желанием было снять их как можно скорее. Внезапно Майя поняла, что может избавиться от ограничивающих тяжёлых обручей, отперев замок золотым ключом.

В момент, когда она решила сделать это, Майя вернулась в тело, и тут же за ней образовалось тёплое золотое солнце. Всё пространство заиграло причудливыми лучами, словно бы в нетерпении. Она нащупала замок, неуклюже поднесла к нему ключ и с усилием повернула. Обручи с грохотом распахнулись, упали на землю и звонко развалились на мелкие куски. Майя ощутила долгожданную свободу и лёгкость.

Пещера сияла золотыми лучами, но ей хотелось подняться выше над этим помещением, ещё выше и ещё. Когда земля осталась далеко внизу, Майя задержалась в воздухе и парила среди золотых ароматных облаков, наслаждаясь свободой. Рядом с ней кружили белые птицы. Казалось, они хотели составить компанию и ожидали её решения, в какую сторону полететь. Она задумалась, куда бы ей отправиться, и проснулась. Сон был настолько реальным, что Майя первым делом проверила свою голову — нет ли там следов от стискивающих обручей, а затем попыталась запечатлеть в памяти это ощущение свободы и лёгкости.

В камере она пробыла до вечера. За это время к ней никто не приходил, только дважды приносили еду. Майя посмеялась, что здесь лучше, чем на работе, где их кормили только в обед. Она не сильно волновалась по поводу наказания: в голове перечисляла возможные последствия этой ситуации, и они не пугали. Штраф ей не казался проблемой — она отработает нужную сумму. Лишение доступа к «грёзам» её тоже не волновало, она приняла решение, что никогда не пойдёт на них. Единственное, чего стоило бояться — публичное наказание.

Майя задумалась. На память пришли лес, корчи мужчины, грязь — всё, что она видела давным-давно при публичном наказании. И тут же вспомнилась волшебная поляна из «фантазии», запах дождя и тёплая кора дерева. Нет, она не боялась публичного наказания, ведь ей представился бы шанс сделать вывод о мире за забором самой. Разобраться, где ложь: в учебниках или в её голове.

Однако при этих мыслях в глубине души Майи всё же неприятно зашевелился страх перед ядами и вирусами, что загнали людей в Вавилон-3. Поразмыслив немного, она решила: «Если за забором меня ждёт смерть — пусть так и будет. Смерть от вирусов едва ли страшнее старости в этом паршивом городе». Майе было неприятно думать о будущем. Лучшее, что ожидало её — брачный союз с Глебом. «Пропади пропадом мир, где друзей предают ради грёз», — думала она.

К вечеру сообщили вердикт. Майе назначили условное наказание. Она смутно представляла, что это означало, но если поняла правильно, ей дали шанс исправиться. Что можно было исправить своём в поведении, Майя не представляла, но уточнять не рискнула. Её предупредили, что любое подозрение в сомнительных действиях приведёт к публичному наказанию. Но какие действия можно назвать сомнительными, не рассказали. Единственный конкретный запрет она получила на встречи с бабой Раисой.

Полицейский участок располагался слишком далеко от рабочего общежития, и Майя решила отдать одну из двух своих монет, чтобы доехать на транспорте до него. Сейчас, когда у неё не было мечты или смысла копить, даже монеты представлялись чем-то обесцененным и ненужным. В коридорах она встречала знакомых, от неё шарахались, словно от заразной. Тая притворилась, что спит, когда Майя вошла в комнату, но не было ни сил, ни желания выяснять отношения. Засыпала она с решением

собрать вещи и переехать жить в квартиру, пусть даже ей придётся тратить кучу времени на дорогу.

10

На работе Майи сторонились. Это не удивляло, но раздражало. В обед в руки попала газета со статьёй о ней, и собственная реакция напугала Майю. Читая о преступлениях против городского устоя, которые она совершила, Майя так расхохоталась, что ей пришлось уронить голову на стол, прикрыться руками и попытаться выдать это за истерику и рыдания. Майя не знала, почему эти страшные вещи показались ей смешными. Наверное, причина в том, что она искренне старалась, чтобы всё было совершенно наоборот: честно откладывала монеты, лишний раз не открывала рта, отклоняла всякие попытки Глеба хоть как-то нарушить правила Вавилона-3, изо всех сил подавляла любопытство, никогда не давала своим желаниям и творческим порывам вырваться на свободу.

Но даже всего этого, что давалось ей таким трудом, оказалось недостаточно. Привычный мир разрушался на глазах, но Майя не хотела ничего менять. Она пребывала словно в оцепенении, словно застыла среди облаков в ожидании, что сильный ветер подхватит её и унесёт в нужном направлении. Нет, она уже не сможет вернуться в прошлое. Никогда больше она не будет той доверчивой и покорной девочкой, которая пряталась и боялась. Не теперь. Лучше умереть на глазах всего города, чем продолжать жизнь в страхе и лжи.

С небольшим свёртком вещей Майя пришла в свою квартиру и взглянула на знакомое помещение по-новому. Технически, квартира принадлежала и Саше, но она была уверена, что брат уже давно отрёкся от сестры и едва ли здесь ещё появится — он был слишком восприимчив к мнению окружающих. Майя наскоро разложила вещи и сделала то, чего никогда не делала раньше — сняла косынку и распустила волосы. Вечно стянутые и спрятанные, теперь они свободно падали на плечи и спину светлыми волнами. Эти ощущения ей напомнили «фантазию», и настроение моментально поднялось.

Было приятно ничего не делать, Майя чувствовала себя свободной, как никогда. Она празднично улеглась на диван и уставилась в потолок, представляя, что мир перевернулся с ног на голову. Мысленно Майя переходила с потолка кухни в зал, а затем вышагивала в окно и окуналась в пушистые облака, окрашенные в приятный розовый цвет заходящим солнцем. «Спасибо, дед в смешном красном колпаке. Я знаю, что ты услышал меня, ведь мне хорошо, а значит всё, что сейчас происходит, — подарок», — она сказала это вслух и рассмеялась.

Солнце сползло за горизонт, вытягивая тени в комнате. О том, что пришёл Глеб, Майя поняла по тихому стуку — никто кроме него не стал бы этого делать.

— Чего ты хочешь? — вместо приветствия спросила она.

— Тебя, — тихо сказал Глеб.

Майя улыбнулась, но быстро стёрла улыбку с лица, прежде чем он вошёл в комнату.

— Я сама только себя обретаю. Не хотелось бы отдаваться именно сейчас.

— Как прошло?

— Спасибо, мне очень понравилось.

— Я не о «фантазии». Я о задержании.

Майя пожала плечами.

— Тоже неплохо. Отдохнула. Наелась.

— Не боишься наказания?

— Ещё не решено, будет ли оно. Чего бояться?

Глеб без приглашения уселся на диван рядом с ней и долго просто молча смотрел на неё. Майя отметила перемены в его взгляде и поняла, что сегодня ей куда проще

разговаривать с ним, чем раньше. Она почувствовала себя не ниже и даже не равной ему, а куда выше и сильнее. Ей нравилось это.

— У тебя чудесные волосы. Я не видел в Вавилоне-3 ни одной девушки с длинными. Очень красиво.

— Спасибо.

— Я поговорил с отцом. Если мы оформим брак, тебя не тронут, ни о каком наказании не будет и речи. Он всё устроит. — Голос Глеба был необычайно робким.

— Твой отец пойдёт на это? Ведь я преступник, изгой, вы не читали газет?

— Он знает, как это важно для меня.

Майя улыбнулась. Какое-то время они молчали.

— Я должен признаться... — Глеб выглядел виноватым и говорил едва слышно. —

Я пытался подсмотреть за тобой в «фантазии».

Майя ощущала, как внутри закипает гнев.

— И как? — её голос стал ледяным.

— Я видел только тебя и туман. После ты ушла в него, а я не смог продвинуться дальше. Так и сидел в этом тумане, как идиот. А после, в самом конце, я словно увидел со стороны тебя и себя. Не знаю, как такое возможно, — он замолчал, вспоминая. Было видно, что слова даются ему нелегкою — Я видел всё смутно, не слышал точно, о чём мы говорили. Майя, я любовался тобой. Ты была потрясающе красива. Этот образ с тех пор сидит в моей голове. Я влюбился.

Он снова замолчал. Гнев внутри Майи уступил место презрению. «Никакая это не любовь. Просто жажда всего лишь» — эта мысль, показалось ей такой оглушительной, что на краткий миг заполнила всю комнату, и она даже подумала, не услышал ли этого Глеб. Майя не хотела отвечать, он казался противен.

— Подумай сама. Мы будем жить вместе. Хорошо жить. Ты сможешь позволить себе что угодно...

Внезапное озарение пришло на ум Майи, она спросила:

— А ты будешь честен со мной?

— Конечно! — поспешил отозваться Глеб. — Как иначе...

— Это ты украл мои сбережения?

Долгая пауза говорила сама за себя. Майя боролась с подкатывающей тошнотой. Наконец-то Глеб ответил:

— Да. Я решил, что только так ты примешь мой подарок, — и поспешно добавил: — Я всё верну. Ты получишь всё, что у меня есть...

— Ты спрашивал, не пугает ли меня выход за оградительный забор? — голос Майи холодно звенел в пустой квартире, — Нет, Глеб, меня пугает мысль, что я проведу жизнь с тобой.

Он резко вскочил с дивана и пнул его. От кроткого извиняющегося тона не осталось и следа, теперь Глеб кричал.

— Чем тупой Тарас лучше меня? Идиот, который не понял, что всё понарошку?

— Конечно, ничем, — холодно ответила Майя.

— Но ты всё ещё влюблена в него! После всего, что он сделал?

— Нет, не влюблена. Вы для меня одинаковые. Оба — словно дети, готовые на всё, лишь бы поиграть. Оба жаждете того, что недоступно. Тарас предпочёл гоняться за мечтой вместо того, чтобы обустроить настоящую жизнь. А ты предпочёл творить грёзы наяву. Какие-то свои особенные грёзы. Вы мне одинаково противны.

— Да любая согласилась бы на мое предложение! — взорвался Глеб. — Слышишь? Я могу заполучить ЛЮБУЮ!

— Кроме меня, — рассмеялась Майя.

— Ты пожалеешь! — прошипел он. — Ты передумаешь, но будет поздно!

— Всё всегда вовремя. Уходи.

Глеб стремительно вышел. Майя осталась одна. Она вспоминала его злые глаза, как он бесился, каким бессильным был, и всё это доставляло ей удовольствие.

Поддавшись внезапному порыву, Майя одним движением сорвала с себя серый балахон с передником, сняла нижнее белье и осталась стоять голой посреди комнаты без дверей. Ей было всё равно, хоть даже весь город решил бы зайти к ней в гости этим вечером. И без зеркал она знала, что привлекательна. Майя оглядела своё тело, и оно показалось ей идеальным — сильным, прекрасным.

Она решила, что никогда больше не станет сравнивать себя ни с кем. Глядя на тени, что плясали по стенам, Майя размышляла, как глупо было даже думать о том, чтобы составить конкуренцию чьей-то «грёзе». Она подняла руки вверх и закружилась в танце, как девочка из её фантазии. Тело само подсказывало движения. Майя наслаждалась каждым. Мурашки побежали от шеи ниже по спине. Она ловила кожей лучи вечернего солнца, ощущала воздух, себя и весь мир. Майя звонко рассмеялась — она была счастлива здесь и сейчас.

Тарас не постучал, вошёл внезапно, но Майя не подала виду, что удивлена. Он стоял и обалдело смотрел на неё, словно впервые видел. Она подумала, что Тарас действительно впервые видел её — молодую живую девушку в расцвете красоты. Ту, которая осознала, какой властью обладает. Девушку, что гордится своим телом и своим миром.

— Что происходит? — Тарас спросил хрипло, ему явно было неловко.

— С тобой? Возможно, это угрызения совести?

— С тобой?

— Я счастлива.

Майя и не думала прикрываться. Ей нравилось, как жадно смотрит на неё Тарас.

— Майя, почему ты голая?

— А почему ты здесь?

— Я пришёл извиниться.

Он подошёл ближе. Майя ждала. Ещё ближе. Она так часто рисовала в воображении подобную сцену, долгие годы втайне надеялась, что это возможно, так мечтала... Но и подумать не могла, насколько всё покажется ей безразличным. Тарас подошёл вплотную. Дотронулся руками до её волос, шеи, скользнул по груди. Сначала нерешительно, затем настойчивее. От него пахло потом, Майя чувствовала прохладной кожей жар его потных рук. Ближе. Ещё ближе. Впился губами в её губы, придавил своим телом к стене. Какая-то часть Майи ликовала, но она отстранила его и со всей силы залепила пощёчину.

— Катись отсюда, паршивый! Я тебя не знаю.

11

Начало рабочего дня показалось Майе весёлым. То и дело в голове всплывали сцены вчерашнего вечера, и она густо краснела, гадая, не происходит ли подобное с каждым. Майя несколько часов внимательно вглядывалась в лица коллег, но ни у кого не обнаружила ни искорок в глазах, ни тени улыбки. На обед она пошла в отличном настроении и с радостью приступила к каше, когда по громкоговорителю объявили: «Майя Алексеевна Ковтун, Вы приглашаетесь на допрос в полицейский участок. Если не явитесь в течение часа, за Вами придут с арестом».

Такие вещи ещё ни разу на её памяти не объявляли по громкоговорителю. Это было странным и показалось подозрительным, словно часть большого плана. Эффект, разумеется, не заставил себя ждать: столовая загудела. Майя решила было продолжить обед, посчитав, что успеет, но под пристальными взглядами коллег есть оказалось невозможно. На пути к выходу к ней подошёл встревоженный Лобанов. Он взял её за локоть и отвёл чуть дальше, в пустой коридор.

— Майя, держись.

— Всё хорошо, Константин Олегович.

— Да чего уж тут хорошего, видно же, что затевается недоброе, — Лобанов оглянулся, чтобы убедиться, что никого поблизости нет.

— Я не боюсь, правда.

Он смотрел на неё с тревогой, и этот взгляд напомнил Майе отца. Неожиданно от нежности и благодарности на глаза навернулись слёзы. Лобанов, видимо, решил, что это из-за испуга, и впервые в жизни крепко обнял её.

— Держись, девочка.

— Спасибо Вам за всё. Мне так повезло, что я знакома с Вами! — внезапно она выпалила: — Константин Олегович, что с Раисой?

— Не знаю, — он печально покачал головой, — правда, не знаю. Мне жаль.

На прощание он дал ей монету на проезд, и Майя сквозь слёзы улыбнулась, сжимая её в кулаке.

День был хороший: солнечный, ясный, на голубом небе — ни облачка. В окне заднего сиденья автомобиля мелькали серые бетонные дома. Майя глядела, как они проносятся мимо, словно сплошное полотно, и осознавала, что её ждет публичное наказание. Не было других причин устраивать это представление. Мэр, по всей видимости, решил преподать урок горожанам и на её примере продемонстрировать, как опасно перечить системе. Из неё устроят то же шоу, что из Тараса, только она не герой, а злодей.

Догадка быстро подтвердилась. В уже знакомой комнате ей задавали подробные вопросы по поводу «фантазии». Благодаря Глебу Майя понимала, что записать или проследить пребывание в «фантазии» невозможно. Отсюда и ажиотаж. Будь иначе, не спрашивали бы столько нелепостей, этим они только выдали свою беспомощность. Майя даже улыбнулась от гордости, что знает нечто, недоступное другим.

— Вчера камера зафиксировала у Вас аморальное поведение, Вы признаётесь? — этот вопрос она услышала спустя час после однотипных уточнений о «фантазии» и даже обрадовалась перемене темы.

— Нет. Не думаю, что я поступала аморально.

— Вы пытались соблазнить служителя полиции и склонить его к незаконным действиям?

— Нет, не пыталась, — Майя едва сдерживала веселье, — скорее, было наоборот. Кстати, я не знала, что тот визит был официальным.

Тарас смотрел в пол. Хотя дело было серьезным, Майя не выдержала и улыбнулась. «На глупого Тараса навешали камер, а теперь всё пытаются выставить так, словно я планировала склонить его к мятежу. Вот идиотство!» — мысленно поражалась она. Тут же на память пришли заученные ещё во время учёбы правила о том, что телесные контакты вне брачного союза строго запрещены.

— Мы предупреждали Вас об испытательном сроке. Вынужден сообщить, что Ваши сомнительные действия привели к тому, что Вавилон-3 назначает высшую меру наказания. Мы снимаем свою опеку над Вами на 60 минут. Вы будете изгнаны за забор и подвергнетесь всем опасностям внешнего мира на это время.

Майя услышала, как зашуршали голоса всех, кто присутствовал в зале. На лице Тараса был неподдельный ужас. Насколько она знала, таких длительных наказаний раньше не назначали, обычно они были вполтину короче. Чужое возбуждение и страх передались и ей.

— Наказание будет произведено в ближайший выходной день. Ареста не будет — Вы можете вернуться на рабочее место.

Майя не была удивлена такому доверию — спрятаться в Вавилоне-3 негде, убежать невозможно, поэтому и сажать её в камеру незачем.

— Заседание окончено. Эту ситуацию правительство планирует осветить в газете, поэтому сейчас Вас ждет встреча с журналистом.

Майя отметила про себя, что этот факт напугал её куда больше возможной смерти за оградительным забором,

— И ещё. Мой совет, — добавил полицейский, который вёл допрос, — если вы раскаетесь, покажете всем, что готовы принять все законы города, принесете публичные извинения и...

— Спасибо, — перебила его Майя, — я это учту.

Зрители возмущённо зашуршали. Мужчина хмыкнул в усы и жестом указал ей на выход.

В коридоре Майю с нетерпением поджидала взволнованная девушка в сером платье. На её груди красовался единственный серебряный значок, а лицо выражало крайнюю степень любопытства.

— Меня зовут Ирина. Я из службы градоначальства. Наверное, Вас предупредили, что нужно будет ответить на вопросы.

Майя кивнула и послушно пошла за девушкой по длинному коридору. Вскоре они вошли в маленькую скучную комнату с окном, столом и двумя стульями. Серые стены, серые жалюзи. Портрет мэра города в простой раме. Как только Ирина опустилась на стул, тут же стремительным движением выложила коммуникатор для записи на середину стола и принялась, тараторя, задавать вопросы.

— Расскажите, как и когда Вы познакомились с Раисой Николаевной? — из уст журналистки такое родное имя звучало для Майи непривычно. Её злило, что приходилось говорить о личном с незнакомцами.

Беседа шла долго. Периодически вопросы повторялись, Ирина только меняла их формулировки, видимо, в надежде поймать её на вранье. Но трюк не сработал, журналистка осталась недовольна разговором. Майя отвечала коротко, а в ответ на некоторые вопросы и вовсе подолгу молчала, дожидаясь, пока у Ирины закончится терпение и та вынужденно приступит к следующему вопросу. Бешенство журналистки радовало Майю, она с удовольствием наблюдала, как раздуваются от гнева ноздри собеседницы.

— Знаете, Майя, я не понимаю! — в сердцах сказала Ирина, на лбу которой даже проступили капли пота. — Вас ждёт публичное наказание. Пожалуй, самое продолжительное за всю историю Вавилон-3. Вы легко могли бы его избежать, о чём Вам также хорошо известно. Вы могли бы, к примеру, предпринять какой-нибудь жест: извиниться, или, там... обрезать волосы в знак принятия правил. Уверена, если бы Вы отказались от посещения «фантазии», в конце кон...

— Есть одна проблема, Ирина, — перебила её Майя, — я не раскаиваюсь.

Тем же вечером город облетел свежий выпуск газеты. На передней странице красовалась портрет Майи. Она была в косынке, свет на лицо падал жёстко, изменяя и заостряя черты. Глаза блестели даже на чёрно-белом снимке, на губах читалась усмешка. Как и ожидала Майя, всё представили так, будто она преступник. В газете сообщалось, что давно уже Вавилон-3 не видел такого неразумного поведения: в подробностях описали и помощь полоумной старухе в хранении опасных материалов, и склонение известного в городе полицейского к саботажу.

Особенно смешно было читать о том, как она вероломно соблазняла служителя закона. Поскольку про визит Глеба никто ничего не спрашивал и не упоминал, Майя предположила, что камеры были не в квартире, а на Тарасе, а раз он вёл себя не так уж и официально, она решила, что камеры устанавливали втайне от него. Красочно описывать такой пикантный инцидент газетчикам было нельзя, поэтому упор сделали на то, что Майя решила саботировать регулярные походы Тараса к грёзоторговцам и даже применила физическую силу, когда тот попытался её урезонить. Она от души надеялась, что Тарас сгорит от стыда, читая это. Единственной странностью было отсутствие в статье информации о наказании. Майя решила, что, видимо, этому посветят целый следующий выпуск.

Рабочие дни не могли проходить в привычном режиме — весь город, конечно, прочёл газеты, и коллеги не упускали случая высказать своё разочарование или наставить Майю на путь истинный. Лобанову пришлось отправить её выполнять инвентаризацию склада, чтобы увести подальше от любопытных глаз.

Там она и находилась, делая вид, что очень занята, когда за ней приехал человек в чёрной форме. Мужчина приказал идти за ним, без объяснений усадил в правительственный транспорт и за весь путь не сказал ни слова. После того как вся знакомая часть города, включая полицейский участок, осталась позади, Майя поняла, что они едут на территорию с высоким уровнем доступа.

За белым забором оказался целый мир, который напоминал её привычный бетонный, но был куда интереснее. У Майи округлились глаза, когда они проезжали огромные длинные теплицы. За их прозрачным пластиком даже можно было разглядеть растительность. Довольно быстро они доехали до нового забора, который выглядел изящнее и меньше предыдущего.

За ним оказался элитный правительственный район. Большие площади, покрытые искусственными газонами, пустовали. Видимо, их единственным назначением было радовать глаз, и эта часть города действительно выглядела очень нарядной. Несомненным её центром и украшением служило потрясающее здание в форме куба. Оно было сделано из стекла, которое отражало небо и всё вокруг, причудливо искажая реальность.

У Майи захватило дух, когда она поняла, что именно это здание и было пунктом назначения. Мужчина помог ей выбраться из машины, взял за локоть и провёл внутрь. Пока он выяснял с женщиной-администратором формальности, Майя жадно оглядывала просторный холл, блестящий мраморный пол, зеркала в золочёных рамах и изящные люстры. Глаза разбегались от обилия красоты.

Вскоре мужчина в чёрном приказал идти за ним. Минуя холл, быстрым шагом они поднялись по лестнице, а затем практически бегом прошли длинный коридор. У высокой двустворчатой двери мужчина остановился и деликатно постучал. После приглушённого «войдите» он распахнул двери и буквально втолкнул Майю в проход. «Подожди в коридоре». Пока она размышляла, кому это было сказано, мужчина в чёрном уже испарился.

От яркого света резало глаза — огромная ослепительная комната поражала воображение. Белоснежность стен и потолка подчёркивал яркий красный ковёр на полу. Изящный стол из тёмного дерева был украшен гербом Вавилон-3. За ним на высоком красном кресле восседал сам мэр города. «Если бы мне сказали, что я окажусь на закрытой территории и познакомлюсь с мэром, я бы решила, что это выдумки. Хотя кто способен такое выдумать?» — подумала Майя.

Мэр Вавилон-3 улыбался. Его костюм был привычного серого цвета, но богато украшен причудливой композицией значков. Жестом он указал на массивный стул напротив себя. Майя поспешно села.

— Значит, Вы и есть та самая Майя Алексеевна? — Она кивнула в ответ, сомневаясь, что способна выговорить хоть слово. — Впечатлён, очень впечатлён.

Повисла пауза. Они разглядывали друг друга. Майя отметила, что мэр выглядел старше, чем на сцене во время общегородских собраний и на портретах. От её цепкого взгляда не ускользнули ни пучки седых волос, которые торчали из его ушей, ни оттопыренные под натиском живота золотые пуговицы.

— Как Вам у нас? — он прервал молчание, но продолжал сверлить Майю взглядом.

— Я не успела осмотреться, — ляпнула она, прежде чем успела подумать. Мэр хмыкнул.

— Вы, кстати, можете здесь жить. Конечно, если примете моё предложение и ряд условий.

Майя решила, что она ослышалась. Все силы уходили на то, чтобы сохранять спокойное доброжелательное выражение лица.

— А теперь к делу. Признаться, я разочарован, что Вы отказались раскаяться в содеянном — это решило бы много проблем. Но я впечатлен Вашей стойкостью и силой духа. Майя, я вижу, что Вы особенная... Сложно объяснить, но Вы этакая героиня. Ваша история могла бы стать прекрасным вдохновением для юных вавилонцев. Вы мне нравитесь. И горожане, я уверен, полюбят Вас. Вы могли бы стать символом победы над пережитками прошлого и послужить городу. Своим примером показать, что выгоднее действовать по правилам.

Майя не верила своим ушам. Чтобы не выдать гнева, она опустила голову. Вероятно, мэр Вавилона-3 расценил это как жест покорности, потому что его тон стал более доверительным.

— Давайте начистоту. Мне совсем не хочется Вас убивать. Это наказание — ведь его можно отменить, мы не объявляли о нём публично. Давайте сотрудничать?

— Что Вы хотите, чтобы я сделала?

— Раскаяться, — он решил, что заинтересовал Майю перспективами, и с воодушевлением продолжил: — публично одумалась. У меня есть особый нюх на таланты. Я уверен, что вместе нас ждёт прекрасное будущее. Ваша фабрика... — он картинно поморщился. — В Вавилоне-3 ведь есть профессии куда интереснее. В центре управления «грёзами» давно ждут человека с Вашей силой духа и любопытством. Нам нужны такие люди. Мне нужны такие люди.

«Это сон, — думала Майя, — это не может происходить наяву. Мэр предлагает мне работу в управлении “грёзами”, а я не знаю, что ему ответить». Она даже не мечтала о подобном — попасть в единственное место, где можно законно работать с изображениями или разрабатывать сюжеты. Это были секретные должности, Майя понятия не имела, что именно там происходит, но возможности казались безграничными. Её захватила эта идея.

Жить здесь, в красивом закрытом районе. Общаться с людьми, которые могут делиться знаниями. Наверняка их интересы не крутятся только возле «грёз» и монет. «Неужели это правда? Родители бы гордились», — подумала Майя. Мыслями она улетела далеко в будущее, где её ждала новая жизнь...

— Кстати, тот юноша, Тарас. Он ведь активно сотрудничает с нами. Вы могли бы стать прекрасной парой.

Мэр, видимо, посчитал это главным козырем. Он ухмылялся, считая, что обезоружил Майю. Но слова подействовали на неё словно опрокинутое на голову ведро ледяной воды. «Идиот. Решил, что понимает мои чувства. Какой мерзкий идиот», — немедленно подумала она, а вслух вновь сказала:

— Что Вы хотите, чтобы я сделала?

Мэр вдохновенно рассказал, как всё будет проходить. Сперва горожан Вавилона-3 оповестят о важном общем собрании. Затем он выступит с речью и пригласит на сцену Майю, которая публично признает вину. Затем она раскается, сообщит о том, что жалеет, что выбрала «фантазию». Расскажет в подробностях, как во время путешествия ей было страшно и одиноко. А потом торжественно пообещает никогда больше не пренебрегать порядками и попросит разрешения посетить «грёзу».

Спустя некоторое время, как пообещал мэр, ей устроят брачный союз с Тарасом и пригласят на работу в центр управления «грёзами». Она сделала вид, что рада получить такое предложение, и даже попыталась улыбнуться. Мэр, крайне собой довольный, разрешил ей не возвращаться сегодня на работу, а готовиться к выступлению, которое состоится в ближайшее время.

Остаток дня Майя провела в раздумьях. Диалог с мэром непрерывно прокручивался в голове. Перспективы возбуждали. Майя — создатель «грёз», уму непостижимо! Но всякий раз её пыл охлаждало вызубренное наизусть старое письмо, особенно его строчка о том, что «грёзы» меняют людей к худшему.

Было так легко принять предложение — выступить по сценарию перед городом, заполучить любовь вавилонцев, Тараса в мужа и работу мечты в придачу. Ей невероятно везло — такой шанс не выпадал никому. А вдруг это главный подарок в её жизни? Майя сожалела, что ей не с кем посоветоваться. «Что бы сказала баба Раиса? — постоянно спрашивала себя она. — Что я сошла с ума соглашаться? Или что рехнулась отказываться?» Майя всякий раз улыбалась, представляя, как баба Раиса ругается.

Она старалась не думать о Тарасе, но его образ приходил сам собой, поэтому Майя, поддавшись порыву, отыскала его фотографию из старой листовки и взгляделась в портрет. Глядя на лицо Тараса, разом вспомнила и их знакомство, и тысячи милых сердцу моментов. Затем удар, который она получила, узнав, что он предал Раису, боль, что испытала, когда Тарас увлечённо рассказывал о своей любви к иллюзии. «Нет! — твёрдо сказала она. — Я не приму это предложение. Паршивые “грёзы” только и делают, что портят жизнь».

Майя понимала, что отказ означал смерть. Даже если она и не умрёт за этот час за пределами оградительного забора, ей предстояла жизнь изгоя. В воспоминании из детства мужчина упал на землю, и только по истечении срока его занесли в Вавилон-3. «А занесут ли меня? Или просто оставят на съедение птицам?» А после к ней пришла мысль ещё гаже: «Непонятно, что хуже: быть сожранной птицами или людьми».

Размышляя над вопросом, лучше быть мертвой или полуживой, Майя провалилась в тревожный сон. В нём белые красивые птицы изо всех сил сражались со страшными, чёрными. Сон был настолько реальным, что она проснулась в холодном поту и долго не могла понять, где реальность, а где выдумка. Кто одержал победу в том сражении, Майя так и не узнала.

13

Громкоговоритель ежедневно напоминал о грядущем городском собрании. Мэр Вавилона-3 позаботился о том, чтобы об инциденте знали и говорили все. «Ей предстояло выступить перед городом. Удивительно, что такому количеству народа есть до неё хоть какое-то дело, — думала Майя, без толку перебирая рулоны ткани на складе. — Не знаю, что меня ждёт, но, пожалуйста, помогите мне, маленькая Майя и милый дед в красном колпаке. Надеюсь, вы не оставите меня».

В день собрания страха уже не было. Она просто хотела, чтобы всё это поскорее закончилось. За несколько часов до начала за ней приехал полицейский транспорт. Майя наблюдала из машины, как рабочие установили трибуну для выступлений, начали подтягиваться люди, большинство в серой одежде, а с холма спускались правительственные машины.

Ей приказали стоять на сцене, в тени. Оттуда она наблюдала, как под бурные аплодисменты вавилонцев мэр города занял своё место у трибуны и принялся усиленным микрофоном голосом рассказывать, как здорово жить в Вавилоне-3. Он говорил, как сплочены жители, отлажены действия каждого и как важно сохранять единство. Традиционно мэр выразил благодарность создателям «грёз» за возможность жить полной жизнью. И напомнил, что смерть царит за пределами оградительного забора.

— Как жаль, что не каждый понимает опасности, которые могут обрушиться со всех сторон, — продолжал он. Толпа затаила дыхание. — Например, юная Майя, — она подпрыгнула, услышав своё имя, — в силу возраста и трудной ситуации в семье поддалась пагубному влиянию Раисы Николаевны. Но и бедную женщину мы не можем винить. По состоянию здоровья она не могла разумно мыслить. Как ни прискорбно,

Раиса Николаевна скончалась вчера в отделении реанимации, так и не придя в сознание.

По толпе пробежал ропот. Майе показалось, что земля ушла из-под ног. Узнать о смерти бабы Раисы, да ещё и в такой момент, было ударом.

— Мы наблюдаем, как пережитки прошлого навсегда покидают Вавилон-3. А вместе с ними уходят смута и сомнения. Мне искренне жаль и Майю, и Раису Николаевну за то, что они не получили поддержку общества, — он сделал паузу, — нашу с вами поддержку. — Толпа одобрительно закивала. — Как жаль, что они остались один на один со своими сомнениями! Я очень надеюсь, что ради своего будущего Майя примет нашу помощь.

Он склонил голову и протянул руку с короткими толстыми пальцами в сторону Майи. Видимо, это была попытка изобразить отеческую заботу при приглашении к микрофону. Приближаясь к мэру, Майя вяло размышляла, составляет ли он композицию из нагрудных значков каждый раз заново, или на всех его костюмах разные коллекции.

— Итак, та самая Майя! — мэр активно зааплодировал первым, но толпа его не поддержала. — Смелее, дитя, не пугайся, — сказал он ей. — Расскажи нам о себе. Недавно умер твой отец — трагическая случайность. Выпал из окна. Почему же ты не обратилась в медицинский центр? Ведь душевное здоровье каждого вавилонца очень важно для нас.

Майя знала, что отец не случайно выпал из окна, а выпрыгнул, как и её мать, чтобы покончить со своей паршивой жизнью. Эта новая ложь, как и известие о смерти бабы Раисы, укрепляли решимость действовать. На вопрос она предпочла не ответить, поэтому мэру пришлось задавать новый.

— А Раиса Николаевна? — Майя вздрогнула, когда услышала родное имя. — Вы были близки?

— Да.

— Да, Тарас рассказывал, что ты с детства называла её бабушкой. Такое чистое детское доверие. Мы не виним тебя, дитя. Это недостаток общества, что в нежном возрасте мы не доглядели. — По толпе прокатился одобрительный шёпот. — Расскажи, эта твоя навязчивая идея посетить именно «фантазию»... Кто надоумил тебя?

— Никто. Мне просто было интересно.

— «Интересно», — он наигранно задумался. — Думаю, именно это слово и послужило причиной краха всего мира. Кому-то стало интересно, что будет, если отбросить нормы приличия, — и появились смертельные заболевания, передающиеся половым путём, как расплата за интерес. Другим стало интересно вывести новый вирус и опробовать его на людях... — Толпа зажужжала. — Третьим стало интересно вызвать опасные мутации в насекомых и выпустить их из-под контроля. Если подумать, слово «интересно» принесло человечеству немало бед, вы согласны? — Толпа взорвалась бурей согласных выкриков. — Но ты, дитя, наверное, не думала об этом?

— Нет.

— Это простительно. Ты так молода. Так наивна. Расскажи, оправдался ли твой интерес? Такая дорогая «фантазия»: ты действительно получила что хотела?

— Нет, — соврала Майя.

— Расскажи подробнее, наверняка всем любопытно, — он подмигнул толпе, — узнать, что происходит во время неё.

— Ничего не происходило, — Майя не собиралась делиться подробностями путешествия внутрь своей головы. Она вспомнила, что рассказывал ей Глеб, и соврала, будто видела то же самое. — Была белая пелена вокруг меня. Туман и ничего больше. Мне было страшно.

Мэр картинно всплеснул руками.

— Какой ужас! Ты разочаровалась?

— Да.

— Как я и говорил. Лишнее подтверждение, что это опасное и изжившее себя предложение. Может, уберём «фантазию» из списка путешествий? Что скажете? — он обратился к толпе, которая утвердительно закричала. Мэр кивнул головой в знак согласия. — А теперь у меня важный вопрос, — новая театральная пауза, — Майя, почему ты не выбрала «грёзу»?

— Потому что все они просматриваются вашими людьми. И сводят с ума.

Майе не верилось, что она произнесла это вслух. Толпа замолчала. Стояла звенящая тишина.

— Это клевета, — первым пришёл в себя от потрясения мэр. — Как ты... где ты набралась этой клеветы? — Его выдавал голос — интонация стала совершенно иной. Он свирепел.

Толпа очнулась от оцепенения и загудела. Это был серьёзный удар по репутации грёзоторговцев и правительства, ведь они заверяли, что путешествия — абсолютно интимная вещь, и даже запрещали делиться подробностями «грёз» с кем-либо. Майя видела, как градоначальники, которые стояли в первых рядах, тревожно перешёптываются с кислыми выражениями лиц.

— Наглая ложь! — бушевал мэр. — Ты признаёшься, что соврала перед всем Вавилоном-3? Ты раскаиваешься в содеянном?

— Нет, — звонкий голос Майи прогремел на всю площадь.

Оглушительная пауза. Мэр явно не рассчитывал на такой поворот событий. Он опустил микрофон, бросил на неё взгляд, полный разочарования, и едва слышно прошептал: — Что ж, пусть смотрят, что бывает за непослушание.

Он глубоко вдохнул, жестом указал на Майю дежурившим у сцены полицейским и вышел ближе к толпе.

— Майя Алексеевна Ковтун приговаривается к публичному наказанию за нарушение правил и наглую ложь. Вавилон-3 снимает с неё опеку на 60 минут. Наказание состоится в ближайший выходной день.

Двое полицейских взяли её под руки и вывели со сцены под шум толпы. Уходя, Майя слышала, как мэр в красках описывает и её сумасшествие, и все опасности, которым она подвергнется за пределами оградительного забора. Вероятно, речь действительно была впечатляющей и пугала — Майя слышала тяжёлые вздохи толпы.

14

Ласковый ветер весело подгонял пушистые белые облака. Небо было такого ясного синего цвета, что приходилось заставлять себя перевести взгляд на что-то кроме него. Она не волновалась. Что ждало её сегодня, Майя не знала, но лучшего дня, чтобы умереть, было и желать нельзя. У ворот оградительного забора собралась большая толпа. Её наказание было первым за долгие годы. Листовки об этом выпустили несколько дней назад, в них можно было найти правила безопасности, например, что нельзя подходить ближе чем на 4 метра к забору, и прочее. Майя поражалась, какой подняли ажиотаж и шумиху, но понимала, для чего.

Выпуски газеты о пользе «грёз» распространялись на каждом шагу. В них было и короткое интервью с Глебом — он рассказывал, как разнообразен виртуальный мир, и делился, что предпочитает выбирать разные «грёзы». «Так жизнь заиграет по-новому, и вы получите разные впечатления», — заверял Глеб. Вскользь упоминали о Раисе: «Она скончалась, а с ней безвозвратно ушло прошлое», — к сожалению, фото Раисы не раздобыли.

Майя сидела в закрытой полицейской машине у оградительного забора и ждала. По громкоговорителю снова объявили о времени наказания. Оставалось 10 минут. По правилам ей нужно было снять передник и обувь, поэтому сейчас голые ступни касались тёплого резинового ковра машины. Конечно, не случайно на сиденье лежал свежий

выпуск газеты, где подробно и в красках описывались опасности мира за оградительным забором.

В интервью учёный утверждал, что воздух за забором ядовит, и если дышать им свыше 40 минут, это приведёт к отравлению и необратимым последствиям. Майя мельком прочитала, какие насекомые в это время активны и какая пыльца аллергенна, но сконцентрироваться не получалось. Толпа у ворот шумела. Майя видела, как люди поглядывают на машину, в которой она сидела.

«Да, такого сплочения у вавилонцев давненько не было, — с усмешкой думала Майя, — надо же, как они рады пообсуждать меня этим чудесным днём». Она понимала, что мэр решил напугать горожан так, чтобы они и мысли не допускали пренебрегать законами. К тому же он наверняка ликовал от того, что изъяс последние запрещённые материалы. С бабой Раисой действительно ушло прошлое.

Охрана удерживала людей на положенном расстоянии. Майя знала, что все заждались зрелища, и это казалось ей омерзительным. Она вспомнила, как мужчину выволакивали на наказание силой. Нет, такого Майя не допустила бы. Когда пришло время и двое мужчин в противогазах открыли дверь, она спокойно вышла.

Майя знала, что красива. Ветер, который проникал через открытые ворота, играл с её распущенными волосами. Серое платье без передника благодаря его порывам то и дело облегалo фигуру и открывало взглядам изящные ноги. Босые ступни колот асфальт, но Майя не показывала, что испытывает хоть какой-то дискомфорт, и улыбалась, словно ей предстояла приятная прогулка, а не встреча со смертью.

Первыми за оградительный забор вышли полицейские в противогазах и встали по бокам от ворот. Следом вышла Майя. Она сделала шаг — толпа ахнула. Ещё шаг. Ещё. Наконец, ногами она ощутила не колющие камни, а шелковистую траву. В нос ударили незнакомые приятные ароматы, в глазах зарябило от ярких красок. Казалось, Майя очутилась в иной реальности — не привычной, серой, а состоящей из всех возможных оттенков зелёного.

Деревья и кусты мелодично шумели от ветра. Листочки трепетали, словно живые, в них играли лучи солнца. Воздух был наполнен звуками: насекомые, вскрики птиц, шум ветра. Майя нарочно прошла мимо чёрно-белых столбов. «Нет уж, не стану я торчать целый час напротив ворот», — подумала она и ускорила, желая уйти подальше, к деревьям, чтобы не ощущать впивающиеся в спину взгляды вавилонцев.

Невольно вспомнилось всё, о чём рассказывали в образовательном учреждении: и про ядовитую крапиву, и про змей, и про смертоносные осиные гнёзда, но инстинкты были спокойны. Украдкой она обернулась посмотреть на ворота — они оказались дальше, чем предполагала Майя. Забор с этой стороны выглядел грязным и нелепым — чужеродная серая масса, а внутри такие же серые люди. Она улыбнулась и пошла дальше.

Майя подняла голову вверх, чтобы внимательно разглядеть листья, небо, птиц вдалеке. На душе было спокойно. Она поддалась порыву и прикрыла глаза, чтобы яснее услышать каждый звук. Не заметив корень дерева, Майя споткнулась, не удержала равновесие и вмиг полетела под горку кубарем. Она громко закричала от страха. Цеплялась руками за траву и землю, получилось остановиться.

Голова кружилась, на руках и ногах болели ушибы. Майя аккуратно потрогала их, чтобы убедиться, что нет серьёзных ран. Впереди была чаща леса. Отсюда она была не видна вавилонцам. Решение пришло моментально — со всех ног она пустилась бежать прочь, в неизвестность, подальше от ненавистного Вавилона-3. Босые ноги быстро изрезались в кровь, горло жгло от бега. «Умру от всех подальше, — думала Майя. — Только бы не нашли, только бы успеть убежать».

Сколько прошло времени, она не знала, но явно больше 40 минут. Она ждала, когда, наконец, подействует яд из воздуха. Всё тело болело, каждый шаг давался с трудом. Приходилось двигаться медленно, но останавливаться Майя боялась. Оглядываясь, она опасалась увидеть мужчин в чёрной форме и жутких противогазах.

Майю удивляло, что она до сих пор жива. Странное растение обожгло ноги так, что моментально высыпали волдыри, и Майя даже обрадовалась, что яд наверняка подействовал, а значит вскоре всё закончится. Но красные следы быстро прошли сами собой без какого-либо видимого вреда для здоровья. То и дело она встречала птиц, мелких животных, а насекомые постоянно садились на неё, ползали, забирались под платье, но Майя больше не вскрикивала и не дёргалась от страха — в какой-то момент ей стало всё равно. Будь что будет.

Присесть, чтобы отдохнуть, было ошибкой. Подгоняемое адреналином тело наконец-то расслабилось, и было тяжело заставить себя передвигать израненные ноги. Солнце клонилось к закату. Очень хотелось пить. Майя стала ещё чаще запинаться и падать, после чего приходилось подолгу собираться с духом, чтобы подняться. То и дело она принималась горько реветь, и на мокрое лицо липли мелкие мошки.

Вечером насекомых стало больше. Видимо, они дожидались, пока спадёт дневной зной, а теперь лезли в глаза, нос и уши. В голове вертелось: «Кусали бы сильнее, чего тянут? Уже бы давно наполнили меня ядом, и всё бы закончилось. Какое глупое выдалось путешествие к смерти». Стемнело быстро, отчего лес казался в разы страшнее.

Майя сожалела, что моментальная безболезненная смерть ясным денёчком ей не досталась. Мысли о том, что предстояло быть растерзанной ночными хищниками, пугали, поэтому она избегала сна и продолжала двигаться практически на ощупь. Сквозь пелену слёз и темноту ей удалось разглядеть нечто блестящее между деревьями. Пospешив туда, Майя оступилась и вновь кубарем полетела вниз.

Должно быть, она отключилась надолго. Когда пришла в себя, стало ещё темнее, а вокруг висел белёсый туман. Голова раскальвалась. Никаких звуков не было — уши словно заложило ватой. Майя проверила, не забиты ли они грязью, но ощущение не прошло. Во рту стоял металлический привкус крови — видимо, она разбила губу. Ноги по колено оказались в воде. Приземлилась бы чуть дальше — утонула бы в озере. Платье вымокло и насквозь пропиталось холодной грязью. Сожалея, что до сих пор жива, она горько расплакалась.

Жажда мучила так сильно, что Майя дрожащими руками черпала воду из озера и жадно глотала её, несмотря на уверенность, что пьёт отраву. Появились мысли утопиться. «Не для того ты проделала такой путь, чтобы сгнить в первом попавшемся озере», — гневно раздалось у неё в голове, и Майя улыбнулась: разум разговаривал с ней голосом бабы Раисы. Она растянулась на берегу. В лицо лезла мошкара, пахло сыростью и землёй. Тускло поблёскивала вода. Майя подумала, что впервые видит водоём и впервые на улице ночью.

«Пожалуй, это того стоило», — решила она и ощутила умиротворение. Веки становились тяжелее, ноги расслаблялись, утопая в илистом берегу. Майя вглядывалась в окружающий туман, стараясь различить силуэты деревьев. Внезапно ей показалось, что вдалеке промелькнуло нечто странное. Она резко приподнялась на локтях и, присмотревшись, различила огонёк вдалеке. Мигом в голове пронеслось много вариантов — от страшных монстров до автомобильных фар и окон дома.

Проигнорировать увиденное не вышло — даже с закрытыми глазами, Майя продолжала наблюдать эту картинку: огонёк среди тумана. Ругаясь, она кое-как поднялась на ноги и медленно побрела вдоль берега на свет. Казалось, Майя шла вечность. Перед глазами плясали тёмные пятна, голова раскальвалась. Переносить вес на ступни было больно, она хромала и запиналась. Сквозь гул в голове стали пробиваться звуки. Майя слышала плеск воды, редкие вскрики ночных птиц, хруст веток.

Внезапно послышались отдалённые голоса и смех. «Я здесь», — крикнула она, но звук вышел настолько хриплым и тихим, что едва ли его могли услышать. «Здесь, — повторила Майя, — я здесь». Всё без толку. В страхе, что звук смеха растает, как иллюзия, она ускорила шаг. Огонёк становился больше, ярко мелькал среди деревьев, словно подзывая.

Майя вспомнила туман в «фантазии», который превращался, во что пожелаешь. В очередной раз она запнулась, упала и больно ободрала руку. Сил больше не было. Встать не получалось. «Ну же, туман, — лёжа на земле, взмолилась Майя, — превратись в то, что мне поможет». Последнее, что она видела — мерцающий огонь и очертания низкого треугольного домика, точь-в-точь как на картинке, которую ей показывала баба Раиса. Всё провалилось в темноту.

Поляну озаряло солнце. Небо высокое, голубое – ни облачка. Майя глубже вдохнула свежий воздух и подняла руки, отдаваясь порывам ветра. Страх не было. Боль исчезла. Майе казалось, что счастливее она ещё не была. Она побежала, подгоняемая ветром всё дальше, и казалось, с каждым шагом открывается всё новый горизонт.

Вдали виднелись леса, озёра, горы, реки – целый огромный мир, только шагай, только иди к нему навстречу. Но Майя остановилась и посмотрела себе под ноги. Трава и мелкие цветы сплетались, словно ковёр, лаская босые ноги. Земля мягкая, прохладная. Из-под резных листьев выглядывали красные ягодки. Она не удержалась и сорвала парочку и отправила в рот.

Ароматная сладость осталась долгим послевкусием. Майя зажмурилась от удовольствия и легла. Воздух был тёплым, ветерок колыхал траву, и её казалось что она одновременно и огромная и маленькая. Огромная – по сравнению с цветами, травой и букашками, которые возились тут же, занятые своими делами, а маленькой по сравнению с огромным миром, что навалился на неё.

Майя услышала птиц. Они грациозно кружили в небе, и она хотела бы подняться ввысь вместе с ними, чтобы окинуть взглядом всё то, что пока ещё скрыто от неё. Лежать и наблюдать за птицами – она хотела бы провести так всю жизнь. Ничего не бояться, не решать. Без боли и потерь. Без предательства и разочарований. Просто Майя. И просто Мир.

Непонятно, сколько прошло времени, казалось, такая мелочь, как минуты и часы ни капельки не волновали окружающее её пространство. Ей нравилось тут, но хотелось с кем-нибудь поговорить и узнать, что всё таки делать дальше. Майя приподнялась, села и осмотрелась. Ей показалось, что вдали виднелся силуэт. Сердце защемило. Это была баба Раиса. Она что-то упорно кричала, но ветер уносил слова, разобрать не получалось.

«Да как же так? — возмутилась Майя. — Что она хочет мне сказать?» Внезапно рядом возникла маленькая девочка лет шести. Её серые глаза радостно блестели.

— Я тоже плохо разбираю, — деловито заметила она. — Кажется, говорит, чтобы ты не теряла себя.

— А кто я?

Девочка звонко рассмеялась.

— А кем бы ты хотела быть?

Эпилог

В кафе с самого утра было не протолкнуться. Запах кофе и выпечки стоял на всю улицу, а в такой морозный день, как сегодня, сам бог велел заскочить на чашечку ароматного напитка. Майе нравился этот ажиотаж. Она украдкой разглядывала посетителей, гадая, кто чем занимается и радовалась, видя знакомые лица – многие предпочитают завтракать в их кафе, и это очень приятно.

Майя улыбалась, вспоминая, каким невзрачным и серым было это помещение три года назад, когда Марат гордо объявил, что купил кофейню. Кто бы мог подумать, что это окажется действительно стоящей идеей. Боже, как летит время. Совсем неумолимо. Да и с тех пор как она покинула Вавилон-3, прошло уже девять лет.

Порой Майя сомневалась, вдруг город — плод её воображения. Наверное, так было бы проще. Но был и Вавилон-3, и её родители, и Сашка, который, наверное, теперь уже взрослый мужчина, и баба Раиса. А ещё Тарас и Глеб. И мэр. Скорее всего, он и сейчас правит своим ужасным миром, хоть уже дряхлый старик.

Майя размышляла, что искать её в тот день не отправились по его приказу. Факт, что она сгнула за забором, наверняка перепугал весь город. Такой пример явно помог ему удерживать порядок. А идти и искать её смысла не было — кто мог предположить, что она выживет в лесу без подготовки, припасов и хоть каких-нибудь знаний о реальности.

Майя переступила с ноги на ногу — живот уже был огромным, спина болела. «Во второй раз тяжелее», — подумала она и присела на стул у барной стойки. Скоро должен был подъехать Марат, и ей не хотелось уходить из зала. «Мой Марат», — улыбнулась Майя и постучала трижды по деревянной столешнице, «чтобы не сглазить».

Она с любовью посмотрела на надпись на стене: «Мы за живое общение». Это было правдой, они с мужем единственные в районе вдохновляли людей общаться офлайн, устраивая вечера музыки, поэзии и знакомств. Идея принадлежала, конечно, Марату, и они очень радовались, какую поддержку эта затея нашла у общественности.

Любое упоминание о виртуальной реальности Майя до сих пор встречала в штыки. Вавилон-3 оказался правительственным проектом. Удалось узнать только, что подобных полигонов для тестов виртуальной реальности в мире было несколько. Как долго и где именно проводились подобные опыты — информации не было.

Тёплый запах выпечки и кофе кружил голову. Майя любила этот аромат и вдохнула глубже. Она улыбалась, разглядывая единственную стену, где сохранились её рисунки. Во время последнего ремонта Марат не разрешил закрасить их. На сером невзрачном фоне красовались огромные пёстрые бабочки и красивые белые птицы.

Сейчас Майя была благодарна мужу за такое милое напоминание о нелепых страхах, которые ей с рождения вбивали в голову. Подумать только, считать, что птицы нападают на людей, а насекомые убивают! Теперь ей казалось смешным, что столько взрослых людей искренне верили, что воздух можно фильтровать, а выход за пределы бетонной тюрьмы опасен.

Как же ей повезло. Майя была уверена, что она самый везучий человек в мире, и даже рассказала Марату, что её жизнь — подарок Санта Клауса, деда в красном колпаке, к которому она взывала с детства. Муж смеялся. Но как, если не волшебством, объяснить, что в огромном лесу ей посчастливилось добрести до группы туристов? Ведь чудо, что они вовремя заметили её, оказали первую помощь, к тому же не обратились к властям, а помогли скрыть необычное происхождение.

— Что ты умеешь делать?— спрашивали ребята.

— Красить ткани. Ещё немного печь.

Так, с подачи бабы Раисы и новых друзей, Майя стала сперва пекарем, а потом кондитером. Первый год дался трудно. Нельзя было раскрывать, кто она и откуда, а влиться в иную жизнь и учёбу без посторонней помощи было тяжело. О её особенностях в техникуме знала только заведующая кафедрой, которая и устроила её к своей знакомой, дополнительно посещать занятия в вечерней школе.

Майе пришлось получать недостающее образование очень быстро и по большей части, самой. Благо, читать и писать в Вавилоне-3 научили правильно. Книги на несколько лет стали её лучшими друзьями. Майя жадно глотала новые знания, словно заблудившийся в пустыне путник внезапно набрел на источник воды.

Разговаривать с людьми было трудно. Она боялась выдать своё происхождение, и долгое время считала, что совершенно не достойна находиться здесь, среди тех, кто с рождения знал то, о чём до сих пор приходилось изучать по книгам ей. Майя с опаской относилась к любым необходимым контактам с людьми.

Простой поход в магазин или общение в столовой вызывали стресс, и она считала что никогда не сможет стать полноценным членом этого нового огромного общества. А

потом она встретила Марата – единственного парня её возраста, который ходил в городскую библиотеку. Там, среди книг и тишины, она узнала сперва что значит настоящая дружба, а потом – что такое реальная любовь.

Страх не было. Открыться и довериться Марату было так же естественно, как дышать. Они понимали друг друга с полуслова, но ценнее было то, что рядом с ним можно было просто молчать. И молчание это порой оказывалось красноречивее всего. Технарь до мозга костей, он восторгался тонкой творческой натурой Майи.

С его подачи она записалась на курсы рисования, благодаря ему открыла для себя мир искусства и музеев. Ах, сколько за эти годы они объездили музеев. Могла ли она предположить, что будет летать на самолёте и пересекать границы только чтобы полюбоваться творчеством великих художников?

Рассказать Марату правду было непросто. «Я знал, что ты странная, но и подумать не мог, что из Вавилона», — смеясь, сказал он после того, как услышал её историю. Когда он понял, что все это правда, Марат до того впечатлялся, что даже пропал на пару недель. Майя места себе не находила, проклиная свою болтливость.

Но Марат вернулся с кольцом и совершенно неожиданно для неё сделал ей предложение. Сейчас их сыну было уже четыре, а скоро на свет должна была появиться и дочка. Майя надеялась, что хотя бы ей понравится сказка о Красной Шапочке — Егор её слушать отказывался наотрез.

— Двенадцать птичек с собой, пожалуйста, — Майя услышала заказ и улыбнулась. «Знала бы баба Раиса, как любят её печенье», — с тёплой грустью подумала она.

Звон колокольчика прервал мысли — на пороге стояли Марат и Егор.

— Мама! — Майя услышала радостный вопль и поспешила к ним.